

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Шалаш
в Эдеме



ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова

Шалаш в Эдеме

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939055

Шалаш в Эдеме: Роман / Наталья Александрова: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-15146-2

Аннотация

Опасная штука – ревность. Доводит ревнивиц до морга! Умрут, но не уступят сопернице жениха. Тем более если он пообещал поездку на Мальдивы. Дуся Синицына на спор согласилась провести ночь в морге, лишь бы только улететь в теплые края с Димычем, а Лизка кусала бы локти. План удался на славу! Свидетельство о смерти добыли, соответствующий макияж навели, в последний путь проводили. Дуся прилежно играла роль до тех пор, пока в покойницу не ворвались бандиты в поиске свежего трупа для неких преступных целей. И выбор пал на нее. Тут уж горе-актриса всерьез задумалась: а была ли любовь и как спасти свою непутевую жизнь? Ведь то, что она пока жива, – дело поправимое...

Книга также издавалась под названием «Поющие в коровнике».

Наталья Александрова

Шалаш в Эдеме

– А давайте вызовем дух Элвиса! – пропищала маленькая блондинка.

Она пристала к нашей компании где-то на полпути, и я все никак не могла запомнить, как ее зовут. А может, она и не говорила. Впрочем, не все ли равно. Только от ее писклявого голоса и вульгарной прически меня вдруг разобрала злость.

– Да пошла ты со своим Элвисом! – процедила я. – Все, хватит, надоели покойники!

Это надо же так надраться, чтобы вызывать духов!

Я никак не могла вспомнить, чья это была идея. На ска-терти по кругу написали все буквы алфавита, перевернули блюдечко, взялись за руки и тупо смотрели, как это чертово блюдечко ползало по столу, выписывая какие-то слова. Все больше непечатные.

Конечно, мы все выпили довольно много, да еще и травку курили, вот и дошли до такого маразма.

– Авдотья боится покойников! – насмешливо проговорила Лиза Веселова. – Авдотья, а хочешь, я тебе расскажу про черную руку? – И она завывала: – В черном-черном городе, на черной-черной улице...

– Да пошла ты! – огрызнулась я и сбросила чертово блюде-це на пол. – Никого я не боюсь... уж не покойников, во вся-

ком случае!

Лизка меня сегодня особенно раздражала: мало того что она явно положила глаз на Димыча, прямо не отходила от него, она то и дело называла меня Авдотьей. А я и вообще-то свое имечко не выношу, а уж в такой форме меня от него просто колотит...

– На черной-черной улице, за черным-черным забором стоял черный-черный морг...

– А я один раз в морге проснулся... – сообщил Геша мечтательным тоном.

– Что?! – переспросил Димыч, повернувшись к нему. – Как это?

– Да гуляли в одной компании, и, видно, перебрал я кокса... ну, еще колесами усугубил и напрочь отрубился... а ребята, видно, решили, что я уже того – загнулся от передоза. Ну, в общем, подробностей я не знаю, короче, в морге от холода пришел я в себя. Глаза продрал, думаю: мать честная, куда это меня занесло? Огляделся, а вокруг – одни жмурики!

– Ужас какой! – пропищала безымянная блондинка, округлив глаза. – Я бы, наверное, умерла от страха! Или описалась...

– Подумаешь, – протянула я презрительно. – Что их бояться – покойников! Все неприятности только от живых...

– Ну не скажи, – рассудительно заметил Слон. – Хоть и знаешь, что ничего плохого тебе покойник не сделает, а все-таки страшно. С живыми-то всегда договориться можно...

С детства была я очень глазастой – всегда замечала многое раньше других, даже то, что замечать мне вообще не следовало, как с неудовольствием повторяла мать. Так вот, сейчас я вроде бы смотрела на Гешу, но краешком глаза отметила, что Лизка незаметно мелкими шажками придвинулась к Димычу и положила ему руку на плечо. Нет, ну какая сволочь, знает же, что у нас с ним уже все схвачено! А тот и рад, небось уже ее за задницу щиплет!

Честно говоря, совершенно я такого от Лизки не ожидала, вроде бы всегда у нас с ней были неплохие отношения. Сколько сигарет она у меня настреляла, сколько кофе за мой счет выпила!

Ну, допустим, Димычу попала вожжа под хвост и он хочет меня поддразнить: пусть, мол, девочка поревнует немножко, больше ценить будет. Но Лизка, похоже, настроена серьезно, уж я-то ее знаю. Надо мне принять меры.

Тут в комнату ввалилась Тамарка, когда она перепьет, ей сразу плохо, так она в ванной весь вечер и сидит. Хорошо, у Геши в квартире две ванны, а то хоть пропадай совсем!

Тамарка, видимо, уже пришла в себя, даже макияж сумела кое-как подправить.

– А что это вы тут обнимаетесь? – с ходу завизжала Тамарка. – Дунька, ты куда смотришь?

Вечно ей надо всюду влезть! Обожает всех стравливать друг с другом. Она рассчитывала, что мы с Лизкой раздеремся прямо здесь, учитывая все нами выпитое и выкуренное.

Руки у меня, конечно, зачесались задать Лизке трепку, но тут я увидела глаза Димыча. Глаза эти, надо сказать, всегда меня привлекали. Димыч вообще парень красивый и при деньгах, а глаза у него глубокие, темно-серые, и ресницы, как у девушки, длинные. Так вот, сейчас в этих глазах не было ничего, кроме всеобщего, всепоглощающего равнодушия. Ему было скучно. Скучно с Лизкой, скучно будет наблюдать нашу драку и так же скучно будет потом со мной, если я из этой драки выйду победительницей.

Я замешкалась с ответом, и тут Лизка (чтоб ей в одну ночь облысеть и опаршиветь!) бросила ядовитую реплику:

– Дусе теперь с нами неинтересно, Дуся теперь исключительно в обществе покойников время приятно проводит!

– Нормально! – заржал Геша. – А что, Дуська, ты же их не боишься, слабо в морге ночь провести?

Рот мой уже открылся, чтобы послать их всех как можно дальше, но тут Димыч повернулся, и я заметила в его глазах искорки интереса. Он даже от Лизки отодвинулся.

– Конечно, слабо! – вступила Лизка. – Она только на словах покойников не боится!

Мне захотелось ее убить тут же, на месте, однако так легко они меня на понт не возьмут...

– Давай, Дуська, на спор? – пьяно захохотала Тамарка – и где только успела опять набраться?

– Было бы на что спорить... – медленно, с придыханием сказала я, стремясь удержать рвущуюся наружу ярость.

– А что? – оживился Димыч. – Заявляю со всей ответственностью, что если Евдокия проведет ночь в морге под видом покойника и не сбежит оттуда до утра, то возьму ее на две недели с собой на Мальдивы! Как раз собирался слетать, погреться...

На Мальдивы! Уж за две недели я сумею убедить Димыча, что я нужна ему если не в качестве жены, то хотя бы постоянной подруги. Там никто не станет мешать – море, солнце и мы вдвоем...

– А если я не выдержу? – Я посмотрела в серые глаза, опущенные длинными ресницами, и поняла, что если я сейчас откажусь, то на Мальдивы полетит Лизка. А уж потом мне с Димычем ловить будет нечего.

– Согласна! – Ярость придала мне сил. – Однако как я туда попаду? Нюхать кокс до полной отключки не стану, мне моя жизнь дорога как память!

– Эт-та мы мигом! – оживился Геша. – Эт-та мы запросто организуем!

Совершенно машинально я отметила, что он стал необычайно деловитым и озабоченным.

– Вот слушайте! – заговорил он. – Я, как человек, прошедший через эту процедуру, знаю все досконально.

– Откуда, интересно, ты все знаешь, если сам говорил, что ничего не помнишь? – капризно спросила я.

– Струсила, да? – захохотала Тамарка. – Так я и знала, что наша Дусечка только с виду такая храбрая, а сама уже

трясется, как зайчик под кустиком!

– Помолчи! – неожиданно сказал Слон. – Ребята, хватит дурить! Ни к чему это все! Пошутили, и будет! Я, Дусь, на Мальдивы тебя, конечно, не повезу, но зато всей компании выпивку поставлю, где хотите!

– Да пошел ты! – заорала я. – Не лезь, куда не просят!

Нужна мне его выпивка! И сам он мне сто лет не нужен, даже если предложил бы лететь и на Мальдивы, и на Сейшелы!

– Ладненько, зайчики мои! – суетливо заговорил Геша. – Решились – так надо дело делать! Значит, если кто окочурится в домашних условиях, первое дело – врач. Нормальные люди вызывают «Скорую», еще пока человек не умер, и она как раз успеет, чтобы смерть констатировать. Мы так делать не будем, мы пойдем другим путем... – Полтиныч? – заговорил он, набрав нужный номер. – Геннадий беспокоит. Да, я. Тут такое дело... Зайди ко мне побыстрее, тут одной девчонке плохо... Да нет, не наркотики, перепила просто, в чувство привести нужно... Это сосед мой сверху, – сообщил Геша, бросив трубку. – Сейчас он спустится. Он на «Скорой» раньше работал, а его выгнали – что-то не то больному вколол по пьяному делу.

– Думаешь, он до того допился, что уж мертвое тело от живого не отличит? – с сомнением спросил Димыч, его все больше и больше увлекала наша затея.

Лизку он окончательно отодвинул, так что хоть тут-то я

могла радоваться. Лизка, однако, всячески давала мне понять, что отступать не намерена, глаза ее вызывающе блестя, губы складывались в злорадную усмешку. Лизка считала, что она добилась своего и что Мальдивы, можно сказать, у нее уже в кармане.

– Спокойно! – ответил Геша. – Все учтено могучим ураганом и продумано до мелочей. Дуська, иди в спальню, наведи там макияж, как у трупешника, да понатуральнее!

Девицы встrepенулись и потянулись за мной в спальню. На Лизку я, правда, так посмотрела, что она отвяла, прошипев что-то. Тамарке не то что макияж – нос напудрить я и то не доверю, у нее обе руки левые, да еще трясутся с перепоя, может рот не на том месте нарисовать, один раз так и было, мы от смеха все рухнули.

Неожиданно помогла приبلудная блондинка, оказалось, она когда-то давно окончила курсы визажистов. Правда, ни дня не работала, но навыки какие-то получила. Она занялась мною вплотную, и через некоторое время в зеркале вырисовалось чужое страшное лицо. Кожа была тускло-серой, под глазами – темные разводы, и сами глаза казались неживыми.

– Ух ты! – восхитился всунувшийся в спальню Геша. – Возвращение живых трупов! Желтизны маленько подбавь!

– Я же не от желтухи померла! – возмутилась я. – Не хочу желтого!

– Надо бы еще синева под глазами! – вошла в раж блондинка.

– Не переборщи! – предупредил Геша и ушел открывать дверь.

Мне велели сидеть тихо и не высовываться, остальные по команде Геши дружно и целеустремленно окучивали соседа, отзывавшегося на странное имя Полтиныч.

Еще с порога Геша полез обниматься. Как было сказано Полтинычу, никакой занемогшей девицы тут нету, те, которые в наличии, – все здоровые. Но сильно пьяные, и Полтинычу надлежит тотчас же приложить все силы, чтобы дойти до общего уровня как можно скорее.

Полтиныч упился минут за двадцать – вот что значит привычка и старые дрожжи. Из гостиной доносились шум и визг Тamarки, а в комнату протиснулся Геша с медицинской сумкой.

– Вишь, какой молодец, Полтиныч-то, – бормотал он, – дело свое знает, в сумке полный набор... лекарства, шприцы... правду говорят, что мастерство не пропьешь! А вот и бланки... – Он вытащил кучу каких-то смятых бумажек. – Значит, Синицына Евдокия... тебя как по отчеству?

– Андреевна, – буркнула я, все это мне начинало очень не нравиться.

Сами посудите, приятно констатировать собственную смерть? А ведь справка – это документ, ведь ее в морге оприходуют, подошьют куда надо, у нас ко всякому документу относятся с уважением!

Как-то мне стало нехорошо, в глубине души зашевелился тревожный червячок. Если бы я тогда послушалась своих

предчувствий и нашла в себе силы послать подальше и Гешу с его бредовой идеей, и Лизку с ее подлостью, и Димыча с его скукой, то избежала бы многих опасностей. Но упрямство и злость на Лизку взяли свое, и я промолчала.

– Год рождения... – бормотал Геша, – умерла от... Тебе как лучше написать – insult или инфаркт? Если написать «остановка сердца», то подумают, что от наркотиков... напишу – «сердечная недостаточность».

– А что это такое? – вяло полюбопытствовала я.

– Без понятия, – отмахнулся Геша, – но звучит солидно! Так, теперь подпись и личная печать врача... Колобков Павел Тимофеевич. – Он подышал на печать и аккуратно шлепнул ее на нужное место. – Все, покойница! С чем тебя и поздравляю! Теперь нужно Полтиныча домой доставить. Он утром проснется – ни фига не вспомнит, ко мне же еще и похмелиться зайдет!

Через некоторое время из прихожей раздался хохот и Гешины крики: «Раз-два, взяли!» Я снова подумала, что умнее всего сейчас будет встать, послать всех к черту и уйти из этого дурдома. Но тут же перед моим внутренним взором предстала Лизка Веселова вместе с Димычем. Они валялись на золотом песочке, а потом целовались, стоя по колено в теплой водичке, как это часто показывают в рекламе. А потом, сидя на открытой террасе ресторана, они смотрели со значением друг другу в глаза, а потом в номере, на широкой кровати... Так нет же, ни за что не отдам Димыча этой твари!

– Ну что, вызвал машину из морга? – спросила я появившегося Гешу.

– Погоди, еще менты должны приехать!

– Эти еще зачем? – удивилась я. – У нас же вроде криминала никакого нету!

– Порядок такой, – строго ответил Геша, – вот они и удостоверят, что ты сама по себе окочурилась, никто тебе не помогал! Так что, соберитесь, мадам, ваш выход! Ляг и закройте глаза, вообрази, что ты – дерево. Или камень, или куча дерьма у дороги.

– Сам ты куча дерьма! – Злость придала мне сил.

Димыч пришел на меня полюбоваться, Лизки при нем не было. Тамарки тоже что-то не было видно, наверное, опять у нее отходняк в ванной. Мелькнуло, как всегда невозмутимое, лицо Слона, ему и кличку такую прилепили за то, что он вечно спокоен, никогда не орет, не дергается. На рожон не лезет, одеяло на себя не перетягивает, сидит себе в уголке, молчит и улыбается. «Может, он дурак?» – в который раз я задала себе этот вопрос, но тут же отогнала эту мысль, как несвоевременную.

– Менты приехали! – ворвался в комнату Геша. – Значит, всем сделать скорбные морды, девки могут плакать!

– С чего это мне плакать? – завелась Лизка. – С какого такого горя?

– Заткнись! – рявкнул Димыч. – Все дело испортишь!

И как-то было непонятно: радоваться мне или нет, услы-

шав такое, потому что, с одной стороны, Лизке вроде бы дали от ворот поворот, а с другой – по всему выходит, что Димычу просто интересно, чем обернется наша дикая затея.

Тут в дверь позвонили.

Геша посмотрел на меня оценивающим взглядом, подмигнул и пошел открывать. Я крепко закрыла глаза и застыла, как в детской игре «замри – отомри». Через минуту входная дверь скрипнула, послышались тяжелые шаги.

– Ну, что тут у вас? – проговорил гнусавый немолодой голос. – Доигрались, да?

– Вас, извините, как по имени-отчеству зовут? – осведомился Геша.

– Нас, извините, Василием Ивановичем, – отозвался гнусавый.

– О, прямо как Чапаева! Так вот, Василий Иванович, давайте без воспитательной работы обойдемся! Врач был, констатировал смерть от сердечной недостаточности, сказал – бывает!

– Бывает! – заворчал гнусавый. – У молодых вообще сердца не бывает! С чего это ей... от сердца-то...

Я незаметно приоткрыла один глаз и взглянула на пришельца.

Это был плотный сутулый дядька в милицейской форме, с кирпичной физиономией – то ли от работы на свежем воздухе, то ли от приверженности к крепким напиткам.

– Тебя как звать? – прогнусавил Василий Иванович.

– Меня вот, например, Петька, – сообщил Геша под восторженное хихиканье маленькой блондинки, – а ее – Анка... она у нас, понимаете, пулеметчица...

– Так вот, Петя, – поучительным тоном проговорил гнусавай, – у меня сын такой, как ты, и если бы он...

– Василий Иванович! – перебил его Геша. – Я же вас просил – без воспитательной работы! У нас уже врач был, свидетельство о смерти по всем правилам оформлено...

Разговор пошел по второму кругу.

– Это еще разобратсья надо, какой такой врач и как он все оформил! Иногда такие артисты попадаютсь...

– Это вы, само собой, разберетесь... а как насчет того, чтобы помянуть покойницу?

– Да мне не положено... – засмуцался Василий Иванович. – Я ведь на работе...

– Ну и что, если на работе? Это не по-христиански выходит! Вы ведь русский человек?

– Само собой!

– Тогда непременно должны помянуть!

– Ну, ежели так... маленько... чисто для порядку...

– Само собой!

Раздалось громкое бульканье, я снова приоткрыла глаз и увидела, как милиционер лихо опрокинул стакан дорогого виски, крякнул и занюхал рукавом.

– А теперь, может, вы хотите на покойницу взглянуть? – не унимался Геша. – Поближе, так сказать, познакомиться?

– Не взглянуть, – строго поправил его милиционер. – Не взглянуть, а произвести визуальный осмотр! И это не мое, к примеру, личное хотение, а по закону так положено!

Он встал и направился ко мне.

Паркет поскрипывал под его тяжелыми уверенными шагами.

Я замерла и даже перестала дышать.

Милиционер вместе с Гешей подошел и остановился надо мной, тяжело сопя. И можете себе представить, что в этот миг у меня жутко зачесалось в носу. Ну, просто как назло!

– Молоденькая какая! – вздохнул Василий Иванович. – Что ж вы, ироды, делаете?

– Смерть, Василий Иванович, она не разбирает! Она приходит внезапно... так сказать, нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь! – проговорил Геша и понизил голос: – А вот я вам могу посильную материальную помощь оказать. На воспитание сына. Или на другие хозяйственные надобности. Пока мы тут с вами... один на один, без свидетелей. Она, я думаю, не в счет...

Послышался звук, который ни с чем нельзя перепутать, – шуршание купюр.

Милиционер крикнул, вздохнул и произнес задумчиво:

– Ну, ежели у вас врач уже был и бумаги как надо оформлены...

– Оформлены, Василий Иванович, непременно оформлены! Вот ведь они, бумаги эти!

В носу чесалось невыносимо. Я подумала, что будет с милиционером, если я сейчас чихну... и с трудом удержалась.

– Ну, если все в порядке... ладно, что ж, я тогда не против... сейчас, подпишу вот тут... Паспорт у нее есть?

– Так нету! – Геша развел руками. – Эти бабы никогда документов с собой не носят!

– Ладно, потом в морг принесете, и все, что скажут...

На этот раз зашуршали не деньги, а бумаги – документы, свидетельствующие о моей безвременной кончине.

Я снова подумала, что делаю явную глупость... но вспомнила Димыча и Мальдивы и не подала признаков жизни.

Василий Иванович напоследок выдал еще какую-то дурацкую проповедь насчет того, что трезвость – норма жизни, а пьянству и тем более наркомании – бой, и удалился восвояси.

Я перевела дыхание и первым делом почесала нос.

– Все о'кей! – прошептал вернувшийся Геша. – С санитарями проще будет, они за деньги что хочешь сделают!

Оказалось, что мент Василий Иванович был настолько любезен, что сам позвонил в морг и велел срочно вывозить покойницу, а то бы мы санитаров до утра прождали.

Этих было двое – один наглый, с черными кольцами волос и хитрым цыганским взглядом, второй – помоложе и поскромнее на вид, он все больше молчал. Геша сразу же взял быка за рога, отозвал цыганистого, которого звали Никола-

ша, в сторонку и зашептал ему что-то на ухо.

– Чего?! – Николаша отшатнулся. – Да ты, парень, с дуба рухнул? Мы ж на работе, а это подсудное дело!

Геша снова зашептал ему на ухо, а потом показал деньги. При виде такой суммы глаза у Николаши зажглись ярким светом, он почесал в затылке и сказал, что он-то бы согласился, но вот напарник его, Вова, человек очень принципиальный. Геша показал Вова его часть денег, но Вова стоял насмерть – никак нельзя, опасно.

Пришлось прибавить, и Вова преодолел свои опасения.

– В случае чего – мы знать ничего не знаем! – твердо сказал Николаша. – Документы все в порядке, мы ее и забрали.

– Вы, главное, ее в покойницу определите! – суетился Геша. – Деньги отработайте!

– Ой, плохо! – вспомнил Вова. – Сегодня же Кондратьевна дежурит!

– Ладно уж, Кондратьевну я на себя возьму!

С этими словами Николаша ловко положил меня на носилки и прикрыл серой простыней, от которой воняло дезинфекцией.

– Не бойсь, – сказал Вова тихонько. – Она чистая, мы сегодня первый рейс делаем.

И на том спасибо!

Пожилой водитель труповозки курил возле машины.

– Куда вы ее головой-то вперед пихаете? – заворчал он. –

Никакого к покойнице уважения...

– Не пыли, Васильич, не в церкви! – хохотнул кто-то из санитаров, кажется, Николаша. – Ничего с этой покойницей не делается!

– Отчего померла-то? – любопытствовал водитель.

– Да написали, что от сердечной недостаточности, – объяснил Николаша. – А только я думаю, что передоз.

– Ясное дело, – вздохнул водитель, – с чего это у молодых вдруг сердце отказывает? Перекололась или перенюхалась. Ох ты, господи, что люди сами с собой делают!

– Уж это точно, – фыркнул Николай, осторожно устанавливая носилки в машине.

– А что это вы такие веселые? – с явным подозрением спросил водитель. – Успели уже принять? У людей горе...

– Да какое горе! – вступил в беседу второй санитар. – Они уж поминки справляют!

Водитель выругался сквозь зубы и рывком тронул машину с места, отчего я, зазевавшись, едва не слетела с носилок. Санитары без особенных церемоний водворили меня на место и бросили сверху колючее жесткое одеяло. Водитель, к счастью, ничего не заметил. Ехали недолго – в Третью городскую больницу, санитар Геше сказал, что она сегодня дежурная. Я понятия не имела, где там морг, да и какая разница? С приятелями мы договорились, что они будут ждать меня утром возле больницы на машине, а кто-то один принесет одежду к моргу, потому что на мне, кроме джинсов и

тоненького свитерка, ничего не было, даже носков, не говоря уж об обуви.

Машина притормозила у шлагбаума, водитель крикнул что-то дежурному, и мы въехали на территорию больницы. Водитель привычно помянул матушку, объезжая лужи на разбитом асфальте, Николаша от толчка подпрыгнул и стукнулся головой.

– Не дрова везешь, Васильич! – рявкнул он. – Люди ведь!

– И где тут люди? – невозмутимо ответил Васильич. – Одни покойники.

– А мы?

– А вы не люди, вы нехристи, – обстоятельно разъяснил водитель. – Разве ж нормальный человек на такую работу устроится?

– А сам-то! – обиделся Николаша.

– Я – при машине, покойников не касаюсь...

Чувствовалось, что разговоры такие ведутся между ними часто и собеседники привыкли, отвечают друг другу по инерции, без особенной обиды. Машина развернулась и встала. Санитары споро подхватили мои носилки и вынесли на улицу, потом заскрипела дверь, и даже через одеяло пахнуло ужасным запахом – сладковатым, тошнотворным и еще какой-то ядовитой химией.

– Раиса Кондратьевна! – уважительно крикнул Николаша. – Принимайте жмурика!

– Сколько раз говорила, – раздался рядом низкий хрип-

лый голос, – при мне покойников никак не обзывай. Надо говорить – тело...

– Да какая разница? – тараторил Николаша. – Что это вы, Раиса Кондратьевна, вечно ко мне придираетесь, вечно прикапываетесь. То не так и это не этак!

Между делом они ловко переложили меня на ка – талку, причем я замерла, вытянувшись и прижав руки плотно к телу, чтобы не болтались. Голоса Николаши и неизвестной мне Раисы Кондратьевны отдалились, слышалось только пыхтение Вовы. Вот скрипнула дверь, каталка протряслась по металлическому настилу и остановилась.

– Приехали! – шепотом сказал санитар. – Конечная, просим освободить вагоны!

В большом помещении было темно, только далеко в стороне под потолком светила лампочка вполнакала в самодельном жестяном абажуре. И в этом неверном слабом свете я разглядела столы, прикрытые белыми простынями. Простыни были короткие, столы тоже, так что торчали голые ноги, и у некоторых были привешены к большому пальцу картонные бирки. Мне стало жутко.

– Полезай сюда! – Вова кивнул на ближайший стол, соседний с ним был занят огромным, как гора, телом. – Раздевать я тебя не буду, Кондратьевне скажу, что все тип-топ, она не придет проверять. А уж если придет, то сама с ней разбирайся, мы ни при чем...

Я покосилась на фиолетовые босые ноги на соседнем сто-

ле и совсем пала духом.

– Поздно пить боржоми, – наставительно сказал Вова, – когда почки отвалились. Раньше надо было думать, во что вляпалась. Ну, бывай, не поминай лихом.

Он прикрыл меня простыней и вышел, прихватив одеяло, поскольку оно подотчетное, и Васильич с него голову снимет, если казенная вещь пропадет.

Еще некоторое время был слышен гогот Николаши, потом хлопнула дверь, видимо, санитары отправились продолжать трудовую вахту. Я было забеспокоилась, что теперь Кондратьевна явится проверять покойницкую, но никого не было. И то правда – кому охота по собственной воле лишний раз на покойников смотреть?

Лежать на столе было жестко и унизительно, и я села, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Было холодно. Температура, конечно, не минусовая, но все же морозцем пробирает. Может быть, побегать между столами? Нет – страшно. Я повертела головой, стараясь не глядеть лишний раз на покойников, чтобы не расстраиваться. На противоположной стене я заметила часы. Вот интересно, для кого они здесь висят и показывают время? Покойникам-то спешить некуда. Мне, кстати, тоже, потому что если часы не врут, показывая четверть второго, то сидеть мне тут осталось... шесть часов, сорок пять минут. В восемь утра придут сотрудники, раскроют все двери, можно будет выскочить незаметно. Если, конечно, я доживу до утра в таком холоде.

Делать было совершенно нечего, было зябко и пахло какой-то химической гадостью, кажется, формалином. Я понятия не имела, что это такое, но, наверное, это он и есть.

Мозги мои еще не совсем смерзлись, напротив, от холода я окончательно протрезвела, и теперь в голове появились совсем неутешительные мысли. В основном душу мою тревожили два вопроса: что я тут делаю и для какого беса мне это нужно? И еще вопрос: как же я дошла до жизни такой?

Это же надо такое придумать – сама, по собственной воле я очутилась в покойницкой! И теперь могу:

- а) простудиться и заболеть воспалением легких;
- б) умереть от разрыва сердца, если какой-либо из покойников пошевелится;
- в) просто сбрендить с ума от страха и одиночества;
- г) получить от Кондратьевны хорошую взбучку, если она меня разоблачит, а кстати, эта тетка, судя по всему, серьезная, может и в милицию меня сдать.

Я задумалась, какой из четырех вариантов лучше. Вышло, что все хуже. Тогда второй вопрос: зачем я это сделала? Чтобы полететь с Димычем на Мальдивы? Не слишком ли дорогая цена за две недели отпуска? То есть про Мальдивы я узнала уже после того, как завелась с этим треклятым моргом, Димыч, гад, все держал в себе, видно, прикидывал, кого ему выбрать в спутницы. И Мальдивы эти нужны мне были только для того, чтобы окутить Димыча по полной программе – ласки, пляски и ежедневный офигительный секс,

так, чтобы в конце отпуска он полностью уверился, что я – женщина, созданная для него, во всяком случае, хотя бы на время. Хоть на несколько месяцев. Потому что мне очень нужен кто-то постоянный, который будет меня содержать. Димыч на эту роль подходит лучше других – во-первых, он мне нравится, он красивый и обаятельный, а еще он всегда при деньгах, его отец в Москве – какая-то шишка, поэтому сыночку ни в чем нет отказа.

Мать пригрозила, что с будущего месяца вообще прекратит давать мне деньги. Разумеется, это с ее стороны только пустые угрозы, уж я-то знаю, как приструнить свою мамочку, но заметно урезать мое ежемесячное содержание она вполне может.

Да если на то пошло, разве ж это деньги – то, что она вынимает с недовольной физиономией из своего портмоне и протягивает мне двумя пальцами, как будто я бомж у метро – на, мол, и помни мою доброту.

Может быть, кто-то посмотрит на меня косо и укорит, что я, взрослая девица двадцати двух лет от роду, живу на деньги старушки-матери. Я вас умоляю: моя мамочка иногда при надлежащем освещении выглядит едва ли не лучше меня, во всяком случае, сейчас уж точно. Это во-первых, а во-вторых, мать моя никогда в жизни сама не зарабатывала денег. Она всегда жила за счет мужчин. И очень этим гордилась, всегда приводила себя в пример, как умную, практичную и удачливую женщину. Не подумайте плохого – мамочка женщина

приличная и каждый раз выходила за очередного мужчину замуж. Кажется, мужей у нее было пять. Или шесть, что-то я сбилась со счета.

Самое интересное, что среди этих пяти (или шести) не оказалось моего отца. Да-да, вот как раз за ним-то мамочка замужем и не была. Я его вообще никогда не видела. И бабушку я не помню, поскольку они были с матерью в ссоре и не встречались. Больше у нас родственников не было, так что волей-неволей приходилось мне общаться с мамочкиными мужьями. Но не так чтобы близко. С трудом вспоминаю первого, он отпал, когда мне было года четыре. А до этого он часто выпивал, называл меня дочкой и упорно качал на колене, всерьез полагая, что мне это нравится. Потом был не то дальнобойщик, не то какой-то наладчик – он вечно торчал в командировках и зарабатывал, по рассказам мамочкиных подруг, большие деньги. По моим воспоминаниям, он больше всего на свете любил свою личную машину – подержанные «Жигули». Все свободное время он проводил возле нее в гараже и часто брал меня с собой, так что годам к десяти я полностью усвоила особенности устройства автомобиля, знала названия всех деталей и инструментов и даже сама могла зачистить свечи и проверить зажигание. После развода с этим товарищем у нас с мамочкой осталась двухкомнатная квартирка в спальном районе.

Потом был, кажется, какой-то начальник, иногда мамочка ездила на его служебной машине, потом – кто-то с теле-

видения, не то редактор, не то режиссер, он вечно являлся домой за полночь, да еще приводил с собой компанию таких же, как он, возбужденных и голодных приятелей. Он водил меня на телестудию, мне разрешали болтаться по коридорам и заглядывать во все двери. Иногда брали в передачу, где требовалась массовка. Или режиссер был до начальника, и мать развелась с ним, не в силах выносить эти еженощные бдения? Не помню.

Надо отдать должное моей матери: из каждого замужества она выходила не только без потерь, но и с прибылью. И к пятому (или к шестому) походу в загс она была в отличной форме, здорова и полна сил, а также имела прилично отремонтированную и обставленную трехкомнатную квартиру, пару норковых шубеек и кое-какие драгоценности – не бриллианты, конечно, но все же не дешевый ширпотреб. И это при том, что, как я уже говорила, мамочка ни дня в своей жизни не работала. Насчет домашнего хозяйства она тоже не слишком заморачивалась, говорила всем, что занимается воспитанием дочери, то есть – моим, но на самом деле она упорно и целеустремленно занималась собой. Я-то хорошо знаю свою мать и уверена, что единственный человек, который ей интересен, – это она сама. С собой ей никогда не скучно, о себе она готова заботиться сколько угодно, удовлетворять все свои бесчисленные капризы и тратить на себя, любимую, все деньги, какие есть. Вот в этом мы с мамочкой очень похожи. Внешне, кстати, тоже.

Только у меня денег нет.

Все началось с ее последнего замужества. Мамочка очень постаралась – ведь после сорока лет шансы найти приличного и богатого мужа катастрофически уменьшаются. И вот в квартире появился мордатый такой тип по имени Валера, упакованный по полной программе. Костюмы у него были все фирменные, ботинки дорожные, итальянские, на руке – золотой «Ролекс», а под окном – «Лексус». Чем-то сумела его мамочка привлечь – не зря до этого долго тренировалась, и к пятому (или шестому) замужеству приобрела сноровку.

Молодые расписались, и Валера утвердился в нашей квартире. И тут все и случилось. Вроде бы я повода не давала, да и Валера ко мне не вязался, он вообще дома бывал нечасто – какой-то у него имелся бизнес, я подозревала, что полукриминальный.

Однако то ли мамочка зорким оком что-то такое заметила, то ли рассудила по-житейски, что ни к чему молодой привлекательной девушке маячить перед глазами ее мужа, и решила подстраховаться, то есть выпереть меня подальше, с глаз долой. Мы начали ежедневно скандалить – она сама цеплялась ко мне без всякого повода. Выселить меня из квартиры она не могла – куда бы я делась? – так что мамочка просто регулярно орала, чтобы я слезла наконец с ее шеи.

– Но позволь, – удивилась в первый раз я, – уж на твоей-то шее я никогда не сидела! Мы вместе с тобой сидели на шее у твоих мужей, но они-то вроде ко мне претензий не имеют...

Действительно, все четверо (или пятеро) относились ко мне неплохо.

Тут она окончательно озверела, покраснела вся и затопала ногами, из чего я сделала вывод, что нынешний ее муж ко мне претензии имеет: не желает он меня содержать. В общем, это его право, хотя, возможно, мать преувеличивала.

– Иди работать! – угрюмо высказалась она.

– Угу, – обманчиво спокойным голосом согласилась я. – И куда? И кем? Продавцом в продуктовую лавочку, на грошовую зарплату? Секретаршей в крошечную фирмочку, где всего-то сотрудников три человека, из которых две – законченные стервы, а начальник норовит с первого дня уложить тебя в постель? Ты прекрасно знаешь, что твоими заботами я ничего не умею делать!

Это чистая правда: мамочка хоть и занималась моим воспитанием, но только на словах, а на деле думала, что я пойду по ее стопам: буду устраивать свою жизнь за счет мужчин и никакое образование мне не понадобится. То есть сначала-то она взялась за дело с жаром – в пять лет записала меня в бассейн, на фигурное катание и в музыкальную школу. На катке я на первом же занятии расшибла коленку, в бассейне наглоталась хлорной воды. Мать была настроена спокойно. «Не хочешь – не надо!» Коньки были забыты, плавать я все же научилась, но на этом дело и кончилось. Фортепьяно мне осточертело через месяц. Вместо того чтобы уговорить меня, прикрикнуть, отлупить, наконец, и заставить ребенка за-

ниматься хоть чем-то, мамочка отмахивалась, поскольку ей самой было лень меня заставлять. Таким образом, постепенно выпали из моей жизни: английский и французский языки, теннис, бальные танцы, театральный кружок и художественная фотография. К этому времени я достаточно подросла и научилась ловко уваливать от всевозможных занятий и от работы по дому. Мать окончательно махнула на меня рукой и решила, что дочка устроит свою жизнь подобно ей, с помощью мужчин.

То ли время сейчас другое – мужчины поумнели и не спешат связать себя узами брака, то ли я просто не обладаю материнскими способностями, но с замужеством у меня ничего не получалось. Да и где его найдешь – холостого обеспеченного человека? Уж не в ночном клубе и не в ресторане. Это мать мне все время твердила. И еще: я ужасно брезглива и не могу спать с мужчиной, который мне неприятен. Так что все старые жирные козлы и мордатые братки с пудовыми кулаками и отвратительными манерами отпали сразу же. Не желаю я, чтобы близкий мне мужчина напивался как свинья, а потом, озверев, таскал меня за волосы по всей квартире или макал головой в унитаз (одна девчонка из нашего двора именно так проводит время со своим муженьком, правда, утром, проспавшись, он обращается с ней ласково и делает дорогие подарки). Так что и с замужеством, и с работой у меня были большие проблемы.

По мнению матери, у меня отвратительный характер:

я злая, несдержанная, быстро впадаю в ярость и могу наговорить лишнего, о чем потом, кстати, нисколько не жалею. Возможно, мамочка преувеличивает, у нее самой характер – не сахар, тому пример – пять мужей (или шесть). От хорошей и ласковой жены никто по собственной воле не уйдет. Последний вывод я сделала чисто теоретически.

Короче, скандалы наши возникали все чаще и занимали все большее время. И тут вдруг оказалось, что умерла какая-то мамочкина старая тетка, о которой я и понятия не имела, и оставила ей однокомнатную квартиру. Мать мигом переоформила квартирку на меня, купила дешевенький диван, потому что поломанную теткиную мебель пришлось выбросить, и отдала свой старый холодильник. И дала понять, что на этом считает свой родительский долг по отношению ко мне выполненным. А чтобы я, окончательно оголодав, не являлась к ней в дом, мать раз в месяц дает мне денег – на еду и оплату коммунальных услуг. И то она каждый раз твердит, что вовсе не обязана это делать и что терпение ее скоро лопнет.

Вот почему я так вцепилась в Димыча – это хоть какой-то шанс некоторое время пожить по-человечески. И все у нас вроде бы складывалось неплохо, но тут влезла Лизка Веселова, чтоб ей в солярии сгореть до угольев и в сауне перегреться!

При мысли о теплой сауне или, еще лучше, о русской парной бане, где пахнет свежим березовым паром, мне стало так

холодно, что все кости свело судорогой. Наглые настенные часы показывали, что прошло всего пятьдесят пять минут с того времени, как меня сюда определили. Да они что, издеваются?!

Я проделала несколько гимнастических упражнений, но стол ужасно скрипел, я испугалась, что меня услышит добросовестная Кондратьевна, и перестала.

Холод пробирал до костей. Господи, ну что я тут делаю? Да так ли уж нужен мне этот Димыч? И с чего я взяла, что у нас с ним сложилось бы что-то серьезное? Подумаешь, переспали раза три! Как говорится в известном анекдоте, это вовсе не повод для знакомства! И как хорошо было бы сейчас очутиться в своей собственной квартирке! Напиться обжигающего чаю с вареньем и залезть в ванну! Ванна у меня в ужасном состоянии, но вода-то горячая идет!

Я спрыгнула со стола и сделала несколько приседаний. Движения немного согревали, однако ужасно противно было стоять босыми ногами на грязном цементном полу, так что пришлось снова сесть на стол. Я совсем приуныла, но тут раздался стук в дверь, кто-то кричал хриплым басом, Кондратьевна отвечала ворчливо, что сейчас идет и что вот подождать две минуты не могут. Я улеглась на опротивевший стол и аккуратно накрылась простыней.

Судя по голосам, санитары были другие – невыспавшиеся и злые. Они привезли двоих после аварии. Слава богу, Кондратьевна указала им самый дальний от меня угол. Но вклю-

чила свет, так что я невольно сжалась под простыней. Однако никто не обратил на меня внимания, у них своих забот хватало.

– Кондратьевна, – был один голос, – ну налей спиртику для поддержания тонуса... замерзли, как негры в Антарктиде, а нам еще целую смену мучиться...

– Спирта не дам! – твердо произнес голос Кондратьевны. – А вот чаю могу налить для поддержания тонуса. Да и согревает чай лучше всякого спирта.

– Чай не водка – много не выпьешь... – разочарованно протянул голос.

– Некогда нам тут с тобой чаи гонять! – рыкнул второй санитар, и дверь хлопнула.

Снова все затихло. Свет в покойницкой погас. Я выждала еще минутку и села на своем столе, обхватив колени.

Холод был жуткий, у меня буквально стучали зубы. Давно уже выветрился весь хмель, а с ним и тепло из организма.

Надо сваливать... если я проторчу здесь не то что до утра, а хоть бы еще час – стопроцентно схлопочу воспаление легких!

Тут я представила себе торжествующую Лизку... представила, что она полетит с Димычем на Мальдивы... В конце концов, черт бы с ними со всеми! Надо же, во что меня втянули!

Теперь зубы мои заскрипели от злости. И вроде бы от той

же злости даже стало немножко теплее.

Так я провела еще полчаса, попеременно то стуча зубами от холода, то скрипя ими от злости, но наконец не выдержала, слезла со стола и подкралась к двери.

Дверь была прикрыта неплотно, я еще расширила щелку и осторожно выглянула.

Через эту щелку мне была видна небольшая комната. Пара стеллажей, узенькая кушетка и холодильник. За письменным столом сидела высокая строгая женщина средних лет – надо полагать, та самая знаменитая Раиса Кондратьевна. На столе перед ней горела лампа под зеленым абажуром, возле стола стоял масляный радиатор. На этот-то радиатор я смотрела с завистью.

Как ей, наверное, тепло! А она, зараза, еще кутается в шерстяной платок!

Незаметно мимо этой тетки не проскочишь. Входная дверь, единственный путь на свободу, находится прямо у нее за спиной. А если она меня увидит – еще, пожалуй, в обморок грохнется... хотя по ней не скажешь, что она такая слабонервная! А если даже и упадет в обморок, мне наплевать, еще даже и лучше – не будет мешать! В любом случае дольше терпеть холод покойницей я просто не в состоянии... Хоть босиком домой побегу!

Я уже собралась было распахнуть дверь и выскочить наружу, как вдруг раздался громкий требовательный звонок.

Тетка в платке поднялась, подошла к входной двери, на-

клонилась к глазку и спросила недовольным голосом:

– Ну, кого там еще черти принесли?

– Открывай, хозяйка! – послышалось из-за двери. – Принимай еще одного постояльца!

Женщина привычно дернула засов, распахнула железную дверь.

В маленькую комнатку ввалились двое здоровенных мужиков в белых халатах. Один из них нес сложенные носилки.

– Эй, а вы из какой бригады? – забеспокоилась тетка. – И где ваш покойник? И где документы на него?

– Насчет покойника не беспокойся! – пробасил один из пришельцев. – Покойник сейчас будет, а документы – вот они!

С этими словами он вытащил из кармана небольшой темный флакон и брызнул чем-то в лицо тетке. Та охнула и рухнула на кафельный пол.

Мужчина наклонился, подтащил женщину к столу и привалил к нему, как мешок картошки.

– А теперь – быстро! – проговорил он, повернувшись к своему спутнику.

Уж на что мне было холодно в мертвецкой, но тут я еще больше похолодела от страха.

Только что на моих глазах убили человека... если даже не убили, а только временно отключили – все равно, это наверняка самые настоящие преступники, а я – свидетель... а свидетели, как известно, долго не живут. Как только они меня

обнаружат – моя песенка будет спета. Из поддельного трупа я превращусь в самый что ни на есть настоящий... тем более что даже свидетельство о моей смерти уже оформлено!

В общем, доигралась, девочка!

Все эти мысли заняли какую-то долю секунды.

Двое злоумышленников двигались прямо ко мне. То есть к двери покойницкой. Еще несколько секунд – и они меня увидят, и тогда...

Я отлетела от двери, завертелась на месте – куда спрятаться?

Никаких тайников и укрытий в мертвецкой не было, только металлические столы с покойниками...

И тут до меня дошло: единственный способ спрятаться здесь – это снова прикинуться трупом.

Во всяком случае, до сих пор это у меня неплохо получалось. Мне удалось ввести в заблуждение мента Василия Ивановича и даже эту тертую тетку из морга... упокой, Господи, ее душу... А может, она жива, ее только отключили на время? Но зачем? Что им тут понадобилось? Наркотики? Вряд ли они тут есть. Что можно взять в морге, кроме покойников?

Напряженно размышляя, я молниеносно вскарабкалась на свой прежний стол, ставший уже родным, натянула на себя жесткую простыню и замерла.

Буквально в ту же секунду дверь мертвецкой со скрипом распахнулась, и на пороге послышались шаги.

– А, черт! – прошипел один из вошедших, споткнувшись. – Темно, как у негра в заднице! Где тут выключатель?

После нескольких секунд возни раздался щелчок, и мертвецкую залил ослепительный холодный свет.

– Холод, как на Северном полюсе! – проговорил тот же голос.

– А ты что хотел – в баньке с покойниками попариться? – насмешливо перебил его второй. – Ладно, кончай базарить, делаем дело и уходим!

Судя по доносившимся до меня звукам, пришельцы обходили столы с мертвецами, разглядывая обитателей морга.

– Этот не годится... – бормотал самый разговорчивый, – это вообще мужик... слышь, Костян, а может, вот эта подойдет?

– Ты что, Лимон, белены объелся? Она же негритянка!

– Ну, какая негритянка? Она же светлая!

– Может, мулатка... или после смерти так потемнела... кончай дурью маяться! Ищи как следует!

– Да уж третий морг обходим, а все ничего нету! Ну, вот эта точно подойдет!

– Лимон, я тебя щас на сервелат пушу! Ты меня что – нарочно злишь? Это ведь старуха!

– Ну, никак на тебя не угодить! Та – негритянка, эта – старуха... Да черта ли их разберешь, покойников... – бухтел невидимый Лимон.

С каждой секундой шаги приближались ко мне, и наконец

наступило страшное мгновение: один из преступников остановился возле меня, сдернул с моего лица простыню...

Я замерла и даже задержала дыхание.

Вот сейчас они поймут, что я живая, и тогда...

– Вот блин! – раздался надо мной изумленный голос. – Костян, ну-ка, погляди!

Все. Моя песенка спета. Я чуть не потеряла сознание от страха.

– Ну что еще? – недовольно проговорил второй бандит. – Опять какую-нибудь старую швабру нашел?

– Да говорю тебе – погляди сам!

Рядом со мной раздались шаги, и второй голос, принадлежавший неведомому Костяну, удивленно выдохнул:

– Ну, ни фиги себе! До чего же похожа! Не увидел бы сам – не поверил бы!

– Ну вот! – засуетился первый. – А ты все ворчал! Ну что – годится?

– Еще бы не годится! Забираем ее и сваливаем!

– Ты только посмотри, – опять проговорил Лимон. – Прямо как живая!

Я снова напряглась. Однако Костян не собирался попусту тратить время:

– Кончай базарить! Живая – неживая... Давай мешок, и сваливаем отсюда, пока еще кто-нибудь не подвалил!

Меня грубо повернули на бок, подложили жесткий пластиковый мешок, натянули его на меня и застегнули «мол-

нию» снизу доверху. Теперь я чувствовала себя колбасной нарезкой в вакуумной упаковке.

В новом положении был один плюс: теперь можно было открыть глаза и не так старательно изображать труп. Достаточно было просто не шевелиться.

Однако минусов имелось гораздо больше.

Во-первых, хоть я и открыла глаза, но в мешке было совершенно темно, ровным счетом ничего не видно. С таким же успехом можно было глаза и не открывать. Во-вторых, пластик был жесткий и холодный. А самое главное – в мешке было трудно дышать. Воздух туда едва просачивался сквозь крошечное отверстие на краю «молнии».

Кроме того, не прошло и секунды, как мешок с его содержимым (то есть со мной) подняли сильные мужские руки и куда-то потащили. Причем несли меня очень неосторожно, то и дело обо что-то задевая. Как будто они несли не живого человека, а... впрочем, они же действительно уверены, что несут покойника, которому уже на все наплевать!

Меня вытащили из мертвецкой, за нами захлопнулась дверь морга, потом я услышала совсем рядом звук работающего автомобильного мотора, и меня бросили на жесткий и холодный пол. Судя по всему, это был пол микроавтобуса или «Газели», раз уж мы все туда поместились.

Через несколько секунд мы куда-то поехали.

Во всем этом был только один плюс: здесь было немного теплее, чем в морге.

Машина то и дело резко поворачивала, не снижая скорости, из-за этого я перекатывалась по жесткому полу и скоро отбила себе все бока. Перекатившись в очередной раз, я налетела на чьи-то ноги. Тут же тяжелый ботинок пнул меня в живот, оттолкнув в другой конец кузова.

– Нехорошо как-то, – раздался рядом знакомый голос одного из похитителей. – Ты, Костян, с покойницей не по-человечески обходишься... разве можно покойника ногами пинать... а если бы тебя кто так, ногами... тем более, говорят, до девятого дня ее душа тут еще, поблизости обретается...

– Слушай, Лимон, ты меня уже достал! – отозвался второй. – Она же мертвая, ей уже все равно, хоть на куски ее режь, хоть сапогами топчи!

– А ты если помрешь – тебе все равно, как с твоим трупом будут обращаться? Хоть и сапогами? Все равно, похоронят по-человечески или в выгребную яму кинут?

– Все, достал! Еще слово скажешь – вернусь в тот морг и тебя там оставлю... вместо этой, на хранение! Вот тогда на своей шкуре узнаешь – все равно или не все равно!

Лимон замолчал, на какое-то время в машине наступила тишина, и в мою голову полезли ужасные мысли. Кто эти люди? Зачем им мой труп? То есть я-то еще жива... тьфу, совсем запуталась. Зачем им покойница? Ведь они сами сказали, что проверили уже третий морг, стало быть, искали кого-то подходящего. И это же надо такому случиться, что подошла им именно я! Вот уж везет мне сегодня! Во всяком

случае, так просто сдаваться я не собиралась. Там, в морге, я не успела своих похитителей как следует разглядеть, но, судя по всему, ребята они серьезные, шутить не любят. И чужих шуток тоже не понимают. Так что, если я сейчас объявлюсь живой, вряд ли они меня выпустят из машины. Надо ждать удобного случая, чтобы удрать.

Скоро повороты закончились, теперь мы ехали по прямой, заметно прибавив скорость, наверное, выбрались на загородное шоссе.

Меня явно везут куда-то за город. Куда именно – я понятия не имела, но самое главное – совершенно не понимала, зачем.

Вдруг болтливый Лимон снова подал голос:

– Надо же, как нам повезло! Я и не верил! До чего же она похожа на Викторию Сергеевну! С учетом, конечно, что покойница, с учетом, что лицо синее, опухшее, а так – прямо копия...

– Нет, Лимон, я с тобой больше не работаю! Так и скажу Паяльнику – с кем угодно меня ставь, только не с Лимоном! Ты своими разговорами мертвого и то достанешь!

– А чё я сказал-то? Я только и сказал, что повезло, нашли трупешник очень подходящий...

– Ладно, все... слава богу, подъезжаем!

Машина снова свернула, снизила скорость и остановилась.

Водитель посигналил, негромко загудел какой-то мотор –

видимо, открылись ворота.

Мы снова тронулись, но на этот раз проехали совсем немного и остановились уже окончательно.

Меня подняли, взвалили на носилки и куда-то понесли.

– Вот, говорят, покойники тяжелее живых, – снова раздался рядом голос Лимона. – А эта девка вроде не очень тяжелая...

– Не тяжелая? – фыркнул Костян. – Может, тогда ты ее один понесешь? А я пока покурю...

Лимон тут же замолчал, и меня потащили дальше.

Скрипнула открывшаяся дверь, носилки наклонились – видимо, теперь они несли меня вниз по лестнице. Я начала медленно сползать к нижнему краю носилок.

– Ты, чем болтать без конца, лучше неси как следует, а то сейчас уронишь свою покойницу! – недовольно проворчал Костян.

Носилки выровнялись, спуск прекратился, и меня грубо сбросили на твердый холодный пол. Я едва сдержала стон.

Прозвучали удаляющиеся шаги, хлопнула дверь, и наступила глубокая, ничем не нарушаемая тишина.

Тишина и холод.

Кажется, здесь было еще холоднее, чем в морге.

Кроме того, если в морге я хотя бы могла свободно дышать, здесь я едва не задохнулась в своем мешке.

Я поняла, что наконец осталась одна и, если не хочу умереть от переохлаждения или от удушья, нужно как-то отсюда

выбираться. И вообще, сделать хоть что-то для своего спасения. Потому что неизвестно, для чего меня сюда привезли, но уж точно, что ничего хорошего меня впереди не ждет.

В первую очередь нужно выбраться из мешка.

Однако легко сказать, но гораздо труднее сделать.

Мешок был довольно узкий. Конечно, я вовсе не толстая, поместилась в нем легко, но это не значит, что я могла внутри этого мешка заниматься художественной гимнастикой и бальными танцами. Кое-как я сумела согнуть руку и дотянуться изнутри до «молнии», но чертов замок никак не поддавался. Как я ни тянула его, как ни подталкивала, «молнию» не открыть. Наверное, ее можно расстегнуть только снаружи, взявшись за язычок. Ну да – ведь эти мешки предназначены для перевозки покойников, и вряд ли кому-то приходило в голову, что их будут открывать изнутри...

Мне еще повезло, что первая бригада санитаров, бывшая в курсе нашей дикой затеи, не связала меня, как положено это делать с настоящими трупами перед отправкой их в морг, по рукам и ногам и не примотала мне челюсть к затылку. Иначе вряд ли бы я в морге вообще выжила, во-первых, а во-вторых, бандиты бы меня застали в виде уже самого неподдельного трупа.

Во всем этом был один плюс: кувыряясь внутри мешка, я немного согрелась от затраченных усилий.

Я снова вытянулась на полу, чтобы перевести дыхание и собраться с мыслями. При этом что-то больно кольнуло меня

В зад.

Я сместила руку в том направлении и нащупала на заднем кармане джинсов английскую булавку, приколотую там от сглаза. Кое-как отстегнув ее, я протиснула руку обратно, высунула булавку из мешка, с трудом зацепила бегунок «молнии» и попыталась при помощи этого подручного средства сдвинуть его с места.

Никогда не думала, что моя жизнь будет зависеть от того, смогу ли я расстегнуть самую обычную «молнию»!

После нескольких минут немислимых усилий бегунок сдвинулся на несколько миллиметров, потом дело пошло быстрее, и наконец я смогла просунуть руку в образовавшийся просвет. Дальнейшее заняло несколько секунд. Я наконец смогла расстегнуть проклятую «молнию», выбраться из мешка и вздохнуть полной грудью...

И оглядеться по сторонам.

Я находилась в большом бетонном подвале. Точнее, в полуподвале – под самым потолком этого помещения были маленькие окошечки, находившиеся на уровне земли и забранные снаружи решетками. Благодаря им в моем подвале было не совсем темно.

Кроме меня, здесь были разные садовые инструменты и инвентарь: грабли, лопаты, корзины, лейки, секаторы... еще стояли картонные коробки и ящики. Ознакомившись с их содержимым, я обнаружила в коробках семена и луковицы растений, а ящики были наполнены землей. Я такие видела

в детстве на даче у своей подружки, поэтому сообразила, что в этих ящиках хранятся до весны клубни георгинов и других цветов.

Короче, мой хладный труп положили в кладовую садовника, как в самое холодное место в доме.

Не обнаружив в подвале ничего полезного, я направилась к выходу, решив срочно делать отсюда ноги, но сперва раздобыть на эти ноги хоть какую-то обувь. На дворе сентябрь, долго ли я босиком пробегаю? И неизвестно, как далеко меня завезли за город, хорошо бы куртешку какую-нибудь найти и деньги, хоть сто рублей. Лучше двести.

К счастью, дверь не была заперта снаружи – садовый инвентарь обычно не пытается сбежать, тем более что никто не ожидал такой прыти от моего трупа.

Я поднялась по лестнице и осторожно приоткрыла дверь. Она выходила в длинный коридор, освещенный редкими галогеновыми светильниками. Я закрыла ее за собой (при этом она отвратительно скрипнула) и крадучись двинулась по коридору. В этот коридор выходило еще несколько дверей, я подергала одну из них, но она была заперта. Впрочем, у меня не было намерения обследовать дом, мне сейчас хотелось только одного: выбраться отсюда и как-нибудь добраться до города...

Дойдя до конца коридора, я увидела перед собой деревянную лестницу на второй этаж. Подниматься по ней не входило в мои планы – это не приблизило бы меня к выходу из

дома, но вдруг сзади, в дальнем конце коридора, послышались голоса.

Раздумывать было некогда, и я стрелой взлетела вверх по лестнице.

Передо мной снова оказался коридор, но он отличался от первого, как небо и земля: пол был застелен зеленой ковровой дорожкой, по стенам висели нарядные бра из цветного стекла в стиле хай-тек и гравюры в металлических рамках.

На мое счастье, коридор был пуст.

Вариантов не было, и я пошла по этому коридору.

На этот раз первая же дверь, с которой я поравнялась, оказалось приоткрытой. Я прижалась к ней ухом и, не услышав изнутри ни звука, рискнула войти в комнату.

Это была спальня, причем обставленная в японском стиле.

Посреди комнаты находилась большая низкая кровать из черного дерева, возле дальней стены стоял низенький туалетный столик, наполовину прикрытый шелковой расписной ширмой с танцующими журавлями и цветущей сакурой. По стенам висели японские цветные гравюры, с потолка свисал светильник из бамбука и рисовой бумаги. Еще здесь были керамические вазы и статуэтки.

Все это было бы красиво, если бы в комнате не царил жуткий беспорядок. Кровать была не застелена, черные шелковые простыни комом брошены на полу, там же вперемешку валялись платья, колготки и женское белье.

Все это я разглядела в первую же секунду.

Во вторую секунду я увидела рядом с туалетным столиком еще одну дверь и поняла, что она ведет в ванную комнату – оттуда доносилось журчание воды.

Значит, там кто-то был, скорее всего, хозяйка спальни. Почему-то у меня сразу же возникла к этой женщине стойкая неприязнь и недоверие, хотя я в глаза ее не видала никогда. Вот казалось бы – ничего я никому плохого не сделала, а непонятно почему чувствовала себя загнанной дичью.

В любом случае долго находиться здесь нельзя, нужно пробираться к выходу и убегать, пока меня не рассекретили. Но раз уж я оказалась в этой комнате, хорошо бы обзавестись хоть какой-то обувью – босиком я далеко не уйду... да и какой-нибудь теплый свитер нужен, а то я просто-напросто замерзну. Комната принадлежит женщине, так что здесь можно найти что-нибудь подходящее...

Я отодвинула створку шкафа. На плечиках висели вечерние платья, легкие блузки, нарядные жакеты. Мне это все было без надобности. Внизу стояли несколько коробок с обувью, но в них оказались только туфли на шпильке и нарядные босоножки. В такой обуви бегать еще хуже, чем босиком... мне бы найти какие-нибудь кроссовки или спортивные ботинки, но ничего подобного здесь не было, очевидно, дама передвигается исключительно на авто, да и то не сама за рулем сидит. А может, ее на руках носят? Так бы и мне устроиться... Я поискала сумочку неизвестной дамы, чтобы по-

заимствовать немного денег, в конце концов, очевидно, что женщина не обеднела бы! Сумки нигде не было.

Журчание воды в ванной стихло.

Сейчас хозяйка выйдет и увидит меня...

Я поспешно закрыла шкаф и бросилась к двери. По дороге я заметила слегка выдвинутый ящик прикроватной тумбочки, сунулась туда, и в самой глубине между тубиками с кремом и маникюрными принадлежностями нашла замшевый кошелек. Очень кстати, поскольку денег у меня тоже нет. Воровать, конечно, нехорошо, но без гроша в кармане мне до дому не добраться...

Я схватила кошелек, сунула его в карман джинсов и вылетела в коридор.

К счастью, там по-прежнему никого не было.

Я припустила в прежнем направлении, миновала несколько дверей и снова оказалась перед лестницей. Спустившись по ней на первый этаж, я очутилась в том полутемном коридоре, с которого началось мое путешествие по этому дому.

Но где-то здесь должен быть выход наружу! Черт, как они меня несли-то? Вроде бы мы почти сразу с улицы в дом попали...

И тут позади меня снова раздались шаги и голоса...

Юркнув в нишу возле какой-то двери, я осторожно выглянула.

В мою сторону шли несколько человек. Еще минута, от силы – полторы, и они меня увидят...

Я подергала дверь, возле которой стояла, и – о, счастье! – она открылась. Проскользнув внутрь, я чуть не сломала себе шею: прямо за ней начиналась крутая лестница. Я снова оказалась в знакомой уже мне полуподвальной кладовке. На самом видном месте на полу валялся черный пластиковый мешок, в котором меня привезли из морга. Он напоминал старую кожу, сброшенную змеей во время линьки.

Шаги и голоса за дверью приближались. Выбирать не приходилось, и я, стараясь не скрипеть ступенями, сбегала вниз по лестнице.

В общем, я вернулась к разбитому корыту.

Единственное, что мне удалось раздобыть во время своей неудачной вылазки, – это кошелек.

Я заглянула в него, чтобы выяснить свои финансовые возможности... и чуть не заплакала от разочарования: то, что я приняла за кошелек, оказалось замшевым футлярчиком для ключей. Да и ключ-то в нем был всего один – небольшой и плоский, явно не от входной двери загородного дома, а от какого-то ящика или шкафа.

Да, сегодня мне явно не везет.

Тем временем голоса и шаги, доносившиеся из коридора, приблизились к двери моего убежища. Люди явно собирались войти внутрь...

Я заметалась в поисках укрытия, но ничего подходящего в этом подвале не было. Машинально я сунула бесполезный футляр с ключом в один из ящиков, где хранились клубни

георгинов, и присыпала его землей.

Под ноги мне попался злополучный пластиковый мешок... и тут я поняла, что это – мой единственный шанс уцелеть.

Я поспешно влезла в мешок, откатилась на прежнее место и задернула изнутри «молнию» с таким расчетом, чтобы потом легко могла бы снова ее расстегнуть.

Едва я успела проделать все эти манипуляции, как дверь подвала со скрипом открылась и по лестнице спустилось несколько человек.

– Виктория Сергеевна, мы ее сюда положили, здесь холодно, так что она не испортится... – угодливо зачастил знакомый уже мне голос Лимона. – А то, если тепло, сами понимаете...

– Избавь меня от этих подробностей! – перебил его надменный женский голос. – Лучше покажи, что вы там нашли...

Кто-то наклонился надо мной, и «молнию» на мешке снова раздернули. На этот раз не до конца, а только на четверть – чтобы показать хозяйке мое лицо.

Я еще не успела отдышаться после беготни и волнений и поэтому с большим трудом замерла, изображая покойницу.

– Вот, – горделиво проговорил Лимон, выпрямляясь. – Гляньте, какую похожую раздобыли...

– Что?! – недовольно проскрипел женский голос. – По-твоему, эта мертвая наркоманка похожа на меня?

– Ну, не то чтобы похожа... – заюлил Лимон. – Но в общем и целом...

– Вика, не выступай, – примирительным тоном проговорил незнакомый мужской голос, вальяжный и представительный. – Пацаны правы, это действительно очень подходящий труп... я даже не надеялся на такое сходство...

– Не знаю, на что ты надеялся... – проворчала женщина. – Ладно, закройте ее! Думаете, приятно лицезреть эту отвратную физиономию?

Лимон снова задернул «молнию». Кажется, не так туго, как прошлый раз.

– В общем, так, – проговорил вальяжный голос. – Переоденете ее в Викины шмотки и тащите в гараж.

По лестнице проскрипели удаляющиеся шаги. Но ушли явно не все, а только двое – судя по всему, здешние хозяева. Я осталась наедине со своими старыми знакомыми, Лимоном и Костяном.

Но, как вскоре выяснилось, не только с ними.

Едва дверь подвала со скрипом закрылась за хозяевами, я почувствовала, что в мешке, прямо под моей левой ногой, что-то шевелится.

Уж на что сегодня мне досталось, но теперь я буквально похолодела от ужаса.

– Ну, что – переоденем девочку? – проговорил Костян, приближаясь ко мне.

– Да ты уж как-нибудь сам... – боязливо отозвался Ли-

мон. – Я покойников как-то не уважаю... то есть если пришить кого – это я запросто, ты же знаешь, и притащить там... или закопать... но трогать, да еще переодевать...

– Дурак ты, Лимон! – хохотнул Костян, расстегивая «молнию». – Не хочешь – как хочешь! А зря, девочка-то очень даже ничего... аппетитная! – И он ущипнул меня за щеку.

– Как ты можешь! – проныл Лимон. – С мертвой... с холодной... бр-р!

Как ни противны были мне прикосновения Костяна, но в это мгновение гораздо больше меня волновали совсем другие прикосновения. То, что зашевелилось под моей левой ногой, было несомненно живым, и теперь оно по ноге ползло прямо в мою штанину.

Я отчетливо чувствовала прикосновения крошечных лапок. И, кажется, даже услышала тонкий противный писк.

Истина открылась мне во всей своей ужасной полноте: пока я носилась по дому, в мой мешок забралась... мышь!

Допустим, я девушка смелая и решительная, особенно когда на кону стоит поездка на Мальдивы с Димычем. Допустим даже, что я ради такого дела могу провести ночь в морге, если меня возьмут на слабб и если, конечно, мне никто не помешает. Предположим даже, что я могу не испугаться двоих бандитов... но мышь, ползущая по моей босой ноге, – это выше всяких сил! Такого не перенесет ни одна женщина!

И я тоже не перенесла.

Я дико завизжала и одним невероятным прыжком вырва-

лась из проклятого мешка.

Костян, худущий сутулый тип небольшого роста, от неожиданности отскочил, в лучших комедийных традициях наступил на грабли, получил их ручкой по лбу, споткнулся об один из ящиков с землей и с нечленораздельным воплем грохнулся на пол.

Лимон, оказавшийся здоровенным детиной с короткой толстенной шеей, обхваченной золотой цепью, и небольшой наголо бритой головой, при виде ожившего трупа взвизгнул неожиданно тонким голосом и тоже рухнул. Поскольку он не спотыкался и не наступал на грабли – видимо, он просто упал в обморок от страха.

– Ёшь твою вошь! – заорал Костян, обладавший бóльшей выдержкой, и, не успев подняться на ноги, вытащил пистолет и принялся палить во все стороны.

Видимо, таким способом он просто успокаивал нервы. Лимон по-прежнему отдыхал на полу.

Мои нервы это отнюдь не успокоило. Я помчалась к лестнице, подскакивая, как заяц, и истошно вопя.

– Держи ее, Лимон! – орал Костян, поднимаясь на ноги. – Никакая она не мертвая! Она живет нас с тобой! Держи, она же сейчас уйдет! С нас Виктория шкуру спустит!

Лимон, лежавший на моем пути, не подавал никаких признаков жизни. Я перепрыгнула через него и подлетела к лестнице.

Поняв, что надеяться на напарника не приходится, Костян

вскочил, схватил какой-то мешок (должно быть, с неорганическими удобрениями) и запустил им в меня. Я увернулась, но потеряла равновесие, споткнулась о какую-то коробку и упала на колени.

При этом ужасно больно ударилась о цементный пол, так что буквально света божьего не увидела. Костян в два прыжка пересек подвал, навалился на меня и заломил руку за спину.

Я попыталась вывернуться и пнула его ногой, попав во что-то мягкое. Костян дико взвыл, разразился многоэтажным матом, но руку мою не выпустил. Я ударила ногой еще раз, но не так удачно, на этот раз Костян всего лишь обозвал меня непечатным словом и ткнул кулаком в бок так, что у меня искры посыпались из глаз. Однако я не прекратила попыток вырваться – понимая, что это мой последний шанс, я вертелась ужом, пытаюсь высвободить руку.

– Лимон, мать твою! – рявкнул Костян на напарника. – А ну, вставай, помогай эту бешеную суку скрутить!

Видимо, это подействовало.

Лимон поднялся, постанывая, и удивленно проговорил:

– Что это было? Мне показалось, что она ожила...

– Ты, козел! – гаркнул Костян. – Сейчас мне покажется, что ты сдох! Говорю тебе – помоги связать эту сучку!

– За козла ответишь... – вякнул было Лимон, но напарник так на него взглянул, что слова застряли у него в горле, и он бросился на помощь Костяну.

Через минуту они связали меня каким-то шнуром по рукам и ногам.

– Так она, выходит, была живая?! – проговорил Лимон, отдуваясь после такой тяжелой работы.

– Только сейчас дошло? – насмешливо переспросил Костян. – А ты думал – покойники так дерутся?

– А тогда что она делала в морге? – Лимон тупо уставился на меня.

– А вот это она нам сама расскажет!

– Ничего я вам не расскажу, уроды недоделанные! – огрызнулась я.

– Ой! Она еще и разговаривает! – ужаснулся нервный Лимон.

– Расскажешь, как миленькая расскажешь, – криво усмехнулся Костян. – Мы и не таким языки развязывали!

– Так что же теперь, выходит, придется опять по моргам ездить, труп искать? – пробормотал Лимон, переменившись в лице.

– Это еще зачем? – переспросил Костян.

– Ну, так ведь трупа нету...

– А эта на что? – Костян кивнул на меня. – Труп у нас, считай, есть... на фиг мы будем еще один раздобывать, от добра добра не ищут. Надо только сделать ее трупом, причем аккуратно, без заметных внешних повреждений... ну, сперва, конечно, доложить Виктории Сергеевне и допросить как следует этот... будущий труп!

– А сейчас-то ее куда?

– Виктория Сергеевна велела в гараж...

Этот разговор они вели при мне, как будто я уже была... тем самым, кто им был нужен.

Костян рывком поднял меня на ноги и подтолкнул к лестнице.

Я безвольно переставляла ноги. Всего, что я сегодня перенесла, было многовато для одной скромной девушки. Впрочем, для здорового, крепкого мужика этого тоже было бы предостаточно. Ночь в морге, похищение, мышшь в штанине, драка с парочкой бандитов... тут и кто-нибудь покрепче меня сломался бы! Удивительно, как я после всего этого еще держалась на ногах...

Я молча поднялась по лестнице, вышла в знакомый коридор. Костян подтолкнул меня влево. Я подчинилась и через несколько шагов очутилась перед металлической дверью. Лимон отпер ее ключом, и меня втокнули в большое полупустое помещение с бетонным полом.

Судя по всему, это и был гараж. Здесь стояли три машины: новенький серебристый «Ягуар», небольшая «Ауди» с откидывающимся верхом и забрызганный грязью джип «Чероки». Но, судя по размерам, этот гараж был рассчитан на несколько машин, так что большая его часть сейчас пустовала.

Костян достал из кармана трубку, нажал кнопку и проговорил:

– Виктория Сергеевна, мы в гараже! Вы подойдете? Только тут одна проблема...

Через несколько минут дверь гаража распахнулась, и на пороге возникла женщина лет тридцати в драных джинсах и зеленой кашемировой водолазке.

Увидев эту женщину, я поняла, почему ураганы и тайфуны называют женскими именами. Эта дамочка влетела в гараж с таким видом, что стало очевидным: если бы у нее на пути оказался небольшой американский городок или тайландский курорт – она запросто смела бы их с лица земли. Вместе со всем населением. Волосы ее стояли дыбом, глаза горели, лицо, казалось, дымилось от ярости – в общем, она была похожа на самую настоящую ведьму.

И еще... если бы она немного успокоилась, пригладила волосы да еще помолодела бы лет на восемь, мы с ней, безусловно, оказались бы здорово похожи. Такой же рост, фигура, волосы длинные, темные, да и в лице имелось определенное сходство. Теперь я поняла все разговоры о «похожем труп» и «удачной находке».

– Что еще за проблема? – заорала дамочка с порога, и тут она увидела меня.

Она застыла на месте, глаза ее округлились от удивления, а волосы еще больше вздыбились.

– Что за черт? – проговорила она, оглядывая меня с ног до головы. – Что это еще за сучка? Откуда вы ее приволокли?

– Из морга, Виктория Сергеевна! – отозвался Костян, пре-

данно заглядывая в глаза хозяйке.

Только тут до нее все дошло.

– Так вы, два придурка, вместо трупа притащили живую девку?! – проговорила она, переводя взгляд с меня на своих головорезов.

– Так вышло, Виктория Сергеевна! – ответил Костян, покаянно опустив голову. – Кто же думал, что в морге может быть живой человек... она не шевелилась, и вид у нее соответствующий... мы входим – она на столе лежит... Откуда ж мы знали, что она живая? Живых в морге не встретишь...

– Да ведь покойники же холодные! – заорала Виктория.

– А мы ее трогали? – огрызнулся Костян.

Боязливый Лимон, предоставив напарнику незавидную участь оправдываться перед хозяйкой, прятался за его спиной, что выглядело очень смешно, учитывая его внушительные размеры и щедрое телосложение Костяна.

– Дурдом по вам плачет! – подвела итог хозяйка. – Впрочем, что я говорю – там держат только тех, кто сошел с ума, а вам и сходить-то не с чего!

Выдав эту суровую оценку, она повернулась ко мне и проговорила голосом, холодным и скрипучим, как ржавый экскаватор, с трудом работающий на сорокаградусном морозе:

– И кто же ты такая? И на кого же ты работаешь?

– Ни на кого я не работаю! – ответила я независимым тоном, пытаюсь скрыть свою полную растерянность. – Это недоразумение... все получилось случайно... я осталась в

морге на спор...

Произнося эти слова, я и сама-то понимала, что они звучат не слишком правдоподобно. Надо сказать, что складная ложь всегда выглядит достовернее правды.

– И ты хочешь, чтобы я в это поверила? – процедила хозяйка. – Знаешь, дорогая, я уже давно вышла из детсадовского возраста и не верю в Деда Мороза, бесплатный сыр и прочие чудеса! Так что давай выкладывай – кто тебя подослал? Сургуч?

– Никакого Сургуча я не знаю... никогда не слышала... говорю вам – это чистая случайность!

– Ага, ты чисто случайно заглянула в морг... на огонек, погреться и чайку выпить! И случайно попала на глаза моим орлам! Ладно. – Она криво усмехнулась и потерла руки. – Некогда мне с тобой базарить, у меня без тебя дел полно. Сейчас ты все выложишь как на духу... давайте, мальчишки, свяжите ее и подготовьте все для серьезного допроса. Уж это-то вы умеете делать...

– Одну минуту, Виктория Сергеевна! – угодливо отозвался Костян и потащил меня в дальний угол гаража.

Там стояло привинченное к полу металлическое кресло самого устрашающего вида. Я представила, что меня ждет, и попыталась вырваться из рук Костяна. Однако он был готов к сопротивлению и сжал мою руку так, что в ней что-то явно хрустнуло.

– Не надо! – заверещала я. – Честное слово, я сказала вам

правду! Я больше ничего не знаю...

– Делай, что приказано! – приказала хозяйка Костяну.

– Пойдите! – раздался за спиной Виктории знакомый голос. Это был тот самый вальяжный, бархатистый голос, который я слышала в подвале садовника. – Не торопитесь!

Я оглянулась через плечо и увидела в дверях гаража мужчину. Он был вполне под стать своему голосу – такой же вальяжный и представительный. Не очень высокий, довольно плотный, с правильными чертами лица, карими выразительными глазами и благородной сединой на висках. Пожалуй, немножко похожий на американского актера Джорджа Клуни, только в его красивом лице было что-то не то... подбородок слишком мягкий, слабый. Но не все время, а лишь когда он забывал следить за своим лицом.

– Что тебе нужно?! – раздраженно осведомилась Виктория. – Я прекрасно сама разберусь...

– Вика, ты, как всегда, горячишься... – примирительным тоном проговорил мужчина. – Как я понял, пацаны вместо трупа притащили живую девушку? Очень интересно!

– Это все подстава! Девушка нарочно притворялась мертвой, чтобы проникнуть к нам! Ее подослал Сургуч! – истерично выкрикнула Виктория.

– Это может быть правдой только в том случае, если она в сговоре с этими субчиками. – Мужчина посмотрел на сладкую парочку моих мучителей вроде бы спокойно, но Лимон отчего-то отвел глаза и затоптался на месте. Вообще, по мо-

им наблюдениям, Лимону срочно нужно было менять род деятельности, такая нервная работа – не для него. Ему бы что попроще, поспокойнее и чтобы соображать не надо было. Охранником куда-нибудь пристроиться – сидишь себе, телевизор смотришь, а служба идет, денежки капают...

Вот Константин держался молодцом. Он и глаз не отвел, да и вообще с места не двинулся, а напротив, сам вызверился на мужа Виктории, да еще и буркнул что-то нелестное, показав тем самым, что он ни капельки не боится и не слишком-то слушается его приказов. За хозяйку он почитал Викторию, это сразу было ясно.

Да уж, если Костян не испугался, увидев, что я ожила, стало быть, нервы у него крепче стальных тросов.

Молчание затягивалось, Виктория малость успокоилась и приняла какое-то решение.

– Не думаю, Женя, что в твоих словах что-то есть, – медленно произнесла она. – Я ребятам доверяю...

– Виктория Сергеевна! – обрадованно заорал Костян. – Да все так и было! Случайно мы на эту девку напоролись, а что она там делала – понятия не имеем!

– Ну-ну, деточка, – приветливо сказал Женя, – расскажите, как вы там оказались? Для начала представьтесь, как вас зовут?

– Лиза, – ляпнула я неожиданно для себя.

Я терпеть не могу свое имя: Евдокия – вот уж мамочка удружила! И главное, ведь никак его не переделаешь, и какое

уменьшительное ни возьми – еще хуже выходит. Как только меня в школе не дразнили – Дунечка из переулочка, Дунька-мокрохвостка и еще по-разному.

– Лиза Веселова, – повторила я, поскольку от меня ждали продолжения. – В общем, все получилось по глупости...

И я подробно рассказала им о том, как меня подбили на спор провести ночь в морге под видом покойницы, как Геша напоил врача, обманул мента, а санитарам дали взятку. Я пыталась доказать им, что такое возможно – просто неудачное стечение обстоятельств. Внимательно слушал меня только муж хозяйки, Евгений Павлович, сама Виктория кусала губы и думала о чем-то своем, Костян зорко следил, чтобы я не вздумала удрать, а Лимон, похоже, задремал, стоя с открытыми глазами.

– Ну что ж, – мягко сказал Евгений Павлович, – суть ситуации мне ясна. Все складывается просто отлично!

– Не вижу здесь ничего хорошего! – проворчала хозяйка. – Я не столь легковерна, как ты, девчонка все врет, но мы заставим ее говорить!

– Ага, и на ее теле будут следы пыток! Нам это совершенно не нужно! Вика, ну сама подумай, как удачно все складывается: мы хотели сжечь труп в твоей машине, чтобы ты могла скрыться. Но какой-нибудь дотошный эксперт мог бы определить, что смерть наступила раньше момента аварии, и тогда вся комбинация рухнула бы...

– Да кто стал бы разбираться с обгорелым трупом? – от-

махнулась Виктория. – Авария есть авария...

– Может, и так... но если бы тот же Сургуч что-то заподозрил, он нажал бы на следствие через своих людей... а так – все будет гораздо лучше: мы посадим ее в машину, сделаем все, как договаривались, – и тогда комар носа не подточит! Причина смерти – авария, и все тип-топ! Ты совершенно свободна!

Я с ужасом слушала их разговор, понимая, что эти люди, нисколько не смущаясь моим присутствием, обсуждают мою смерть... особенно страшно звучали слова мужчины – он, такой вальяжный и привлекательный, говорил об этом, как о какой-то мелкой бытовой проблеме вроде ремонта сантехники или покупки нового холодильника. Для него в этом не было, как говорится, ничего личного – просто бизнес. Надо же, какая он, оказывается, скотина! А со мной так ласково беседовал, я не то чтобы расслабилась, но обрела слабую надежду – чем черт не шутит, вдруг поверят и отпустят? Все-таки одно дело – это подсунуть вместо Виктории готовый труп, а совсем другое – убить живого человека. Хотя для этих уродов, кажется, это одно и то же. Отчего-то больше всего я разозлилась на Евгения Павловича.

– Но меня будут искать! – заорала я в бессильной злобе. – Не может же человек так просто пропасть!

– Кто? – тотчас отозвался Евгений Павлович бархатным баритоном. – Кто тебя будет искать, деточка? Твои друзья – отморозки и наркоманы? Да они небось уже забыли, что ты

вообще есть на свете! В милицию они обратиться не посмеют – большие неприятности могут поиметь! А кто из-за тебя станет добровольно влезать в неприятности?

Я в ужасе осознала, что мерзавец прав: так оно и будет. Потому что искать меня некому. И вспомнят ли они наутро вообще обо мне? Уж Лизка-то Веселова точно никому не напомним! Если честно, Димыч тоже: ему все по фигу. У Тamarки в голове вообще ни одной мысли, когда она выпьет. Впрочем, когда трезвая, тоже. Кто там еще был-то? Незнакомая приبلудная девица... какие-то люди... я и сама-то никого не помню. Мать спохватится только в конце месяца, когда я за деньгами не явлюсь.

– Но я хочу понять, отчего получилось такое совпадение! – снова раздраженно проговорила Виктория. – Когда я чего-то не понимаю...

– А по мне, так наплевать на совпадение... лучше скажи, дорогая, куда ты положила *ту* вещь?

– Она в моей комнате! – отмахнулась Виктория. – Ну ладно, может, ты и прав...

– Конечно, прав! – Мужчина улыбнулся, при этом на его щеках появились симпатичные ямочки. – Ладно, дорогая, мне нужно съездить в город. Думаю, ребята сами справятся с операцией... машина уже подготовлена... – Он взглянул мне в глаза, ямочки тут же исчезли, лицо его на миг стало мягким, как у резиновой игрушки, и некрасивым. Но он тут же опомнился, подтянул подбородок и отвернулся.

– Надеюсь, что справятся! – Виктория недовольно взглянула на Костяна с Лимоном. – Ладно, сажайте ее в эту машину, сделаете все, как договаривались! – Она показала на двухместную «Ауди».

– Кстати, – напомнил мужчина, прежде чем выйти из гаража. – Твои орлы забыли переодеть ее... она ведь должна быть в *твоей* одежде!

– Ну и козлы! – прошипела Виктория, окинув меня долгим взглядом и переведя глаза на виновато потупившихся бандитов. – Так бы и отправили... ничего нельзя поручить!

Она на прощанье сверкнула глазами и вслед за мужчиной вышла из гаража.

– Пронесло! – облегченно вздохнул Лимон, провожая строгую хозяйку взглядом.

– Пронесло! – передразнил его Костян. – Пургена нажрешься – вот тогда тебя действительно пронесет. Ты, как обычно, жевал сопли, а я принял на себя основной удар!

– Ну, если хочешь, я могу ее переодеть... – проговорил Лимон, и его маленькие глазки похотливо замаслились.

– Ага, труп переодевать не хотел, а теперь – первый вызвался... обойдешься, она сама переоденется! – И с этими словами он бросил мне сверток с одеждой.

– А почему бы и не развлечься с ней напоследок? – заныл Лимон. – Ей-то уж все равно...

Мне было далеко не все равно, и я решила, что буду сопротивляться до последнего, но не дамся этому жирному бо-

рову. Однако помощь подоспела, откуда не ждали.

– До чего же ты мне надоел! – огрызнулся Костян. – Никаких развлечений, понятно? Ты что – вообще ничего не сообщаем? Тебя же Виктория Сергеевна предупредила, чтобы на ней не было никаких следов! А добровольно эта девочка тебе не уступит...

Костян явно был поумнее напарника.

Я отступила в угол гаража и разобрала узел с одеждой.

Конечно, я могла наотрез отказаться, но тогда Костян применил бы силу, а мне не хотелось, чтобы эти бандиты меня лапали.

Виктория одевалась неплохо, тут уж ничего не скажешь. Передо мной лежала короткая курточка, отделанная серой норкой, джинсы и замшевые ботиночки без каблуков. Еще в свертке был тонкий хлопчатобумажный свитер и белье – дорогое, прекрасного качества. Виктория не стала жадничать, отдала хорошие вещи. Но, с другой стороны, она собиралась начинать новую жизнь, а зачем ей в новой жизни старые шмотки? Тут я сообразила, что у меня-то впереди никакой новой жизни не предвидится, а в чем помирать – без разницы, хоть в ватнике и галошах на босу ногу.

Одежда Виктории пришлась мне точно впору.

Лимон поначалу пялился на этот бесплатный стриптиз, но напарник цыкнул на него, а мне было все равно.

Я быстро переоделась и натянула замшевые ботиночки Виктории. Наконец-то несчастные мои ноги получили обув-

ку! И размер у нас оказался одинаковым. Правда, судя по всему, мне недолго придется ходить в этих ботинках...

Бандюганы тем временем снова затеяли выяснение отношений.

– Имей в виду, – заявил Костян, – я не собираюсь постоянно делать за тебя всю грязную работу! Ты поедешь с ней в «Ауди», ты ее оглушишь и столкнешь машину в овраг, а я буду подстраховывать тебя на второй машине...

– Ну, Костян... – заныл Лимон, потирая бритый затылок. – Я же не успею выскочить из тачки... ты ловчее меня... и хуже...

– Спортом надо заниматься! – оборвал его напарник. – Жрать надо меньше, пива меньше пить! Короче, ты с ней поедешь. Жить захочешь – выскочишь!

Лимон тяжело вздохнул и сел за руль «Ауди».

Его напарник втолкнул меня на соседнее сиденье.

– Да, вот еще что... – Он сунул руку в карман и протянул мне дамские наручные часы. – Чуть не забыл: надень.

Часы были золотые, красивые. Все ясно – по часам и машине должны установить, что именно Виктория была за рулем. Словно одной одежды недостаточно!

Да, может, и часы-то – барахло ненужное, небось Картье или Лонжин она себе оставила, зараза!

Они показывали четверть седьмого. Раннее утро. Неужели столько событий приключилось со мной всего за одну ночь?

Лимон нажал кнопку пульта, и в стене гаража открылись подъемные ворота.

«Ауди» выехала во двор и остановилась. Следом за нами на джипе выехал Костян.

Я огляделась.

Позади был громоздкий и неуклюжий трехэтажный дом из красного кирпича – таких много строили в девяностые годы, мамочкин третий муж, телевизионщик, называл этот стиль «тюремный модерн». Вокруг дома раскинулся просторный участок, покрытый ровным газоном и окруженный трехметровым забором из бетонных плит. Кроме газона, на участке ничего не было – ни куста, ни деревца. Только рядом с мощеной дорожкой скучал керамический гном.

Костян посигналил кому-то, и перед нами медленно открылись огромные железные ворота.

Лимон выжал сцепление, и обе машины одна за другой выехали на дорогу.

Лимон тяжело вздохнул, повернул налево, выехал на пустынное утреннее шоссе и тонким жалобным голосом запел:
– Вот уже четвертый срок мотаю...

Я скосила на него глаза и незаметно потянулась к дверной ручке. Мы ехали не очень быстро, так что, если сумею распахнуть дверцу и выскочить на ходу из машины, есть шанс уцелеть. Скатиться с обочины и бегом в лес... пока Лимон с Костяном опомнятся, остановят свои тачки, пока бросятся в погоню, я уже могу спрятаться в густом кустарнике. Конеч-

но, шансы у меня небольшие, но если играть по их сценарию, то и вообще никаких.

Однако и тут мне не повезло: двери были заблокированы.

– Сиди смирно! – прикрикнул Лимон, заметив мои маневры. – Думаешь, мне охота с тобой возиться?

– Лимончик, дорогой, пожалей меня! – Почувствовав в его голосе слабинку, я попробовала разжалобить бандюгана. – Я еще совсем молодая, мне умирать неохота...

Слова эти прозвучали так фальшиво – даже самой стало противно. В данном случае уместнее было бы проклясть моих убийц и обозвать их по-всякому, а не умолять о пощаде. Однако мои слова вызвали у Лимона неожиданный взрыв эмоций.

– Пожалеть, да? А кто Лимона пожалеет? Умирать ей неохота! А мне, думаешь, охота? Мне тоже неохота! Знаешь, какие это люди? Им меня замочить – все равно что моль прихлопнуть! Так что сиди смирно и помалкивай, а не то...

Ничем конкретным он грозить не стал – меня впереди так или иначе ждала смерть, по сравнению с которой его угрозы не катили.

Лимон прибавил скорость и снова жалобно запел:

– ...И никто меня дома не ждет! До свободы денечки считаю, но она никогда не придет...

По обе стороны шоссе тянулся мрачный ельник. Дорога сделала поворот, ельник расступился, и справа от шоссе показался глубокий овраг, заросший редким кустарником.

– Вот и приехали! – проговорил Лимон, сбрасывая скорость и подкатывая к обочине. – Станция Березай, кому надо – вылезай! Не забывайте свои вещи в вагонах!

От его мрачного юмора мне стало совсем худо.

Неужели этот сырой осенний овраг станет моей могилой, а тупой мордатый бандит будет последним человеком, которого я увижу в своей короткой несуразной жизни?

Джип Костяна остановился чуть поодаль. Костян не выходил из машины – он издали наблюдал за своим напарником.

Вдруг из-за поворота шоссе показалась темная машина. Я дернулась к окну – позвать на помощь, хотя бы просто закричать... хотя вряд ли какой-то случайный рыцарь придет мне на помощь, спасет меня от бандитов, но это – мой единственный шанс...

Но в ту же самую секунду огромная волосатая лапа Лимона зажала мне рот.

А машина, на которую я возлагала несбыточные надежды, словно почувствовав исходящую от нас опасность, прибавила скорость и спустя мгновение скрылась за поворотом дороги...

Лимон убрал руку. Я помотала головой, отплеываясь.

– На всякий случай! – пояснил он, ухмыляясь. – Кто знает, что тебе в голову придет...

– Ты, скотина, думаешь, что тебя за мое убийство похвалят? – заговорила я с ненавистью. – Ценный подарок вручат, премию дадут? Ага, догонят и еще дадут! У тебя, Лимон,

точно с головой плохо. Тебя же вслед за мной на тот свет отправят!

– Это почему еще? – удивился он.

Ну как есть дурак набитый!

– Ты же, Лимончик, нежелательный свидетель, – почти ласково объяснила я. – Да Виктория спать спокойно не будет, зная, что кто-то может ее Сургучу заложить.

– Ты откуда Сургуча знаешь? – вскинулся Лимон.

Я выразительно покрутила пальцем у виска – сами же твердили о нем все время!

– Ты ей нужен только для грязной работы, – снова завела я, – а как только все выполнишь, так – «мавр сделал свое дело, мавр может уходить»!

Мозги у Лимона пребывали в зачаточном состоянии, не развились, да еще и поросли какой-то плесенью. По лицу его было видно, как моя мысль с трудом продирается через эти джунгли.

– Какой еще мавр, – засопел он, – тут в деле больше никто не светится, только мы с Костяном на Викторию работаем.

Я вздохнула – что тут скажешь, у этого дебила даже инстинкт самосохранения отсутствует!

Он въехал на обочину, подал машину чуть вперед, так что передние колеса выехали на склон, поставил «Ауди» на ручной тормоз, выбрался из нее, мрачно взглянул на меня и проговорил:

– Пересаживайся за руль!

Я передвинулась на водительское место, поставила ноги на педали. Чем черт не шутит: пока он снаружи – снять тачку с ручника, газануть с места... вожу я неплохо, может быть, сумею оторваться...

Но нет, ничего не выйдет. Лимон, при всей его тупости, предусмотрительно вытащил ключ из зажигания.

Он сел на пассажирское место, взглянул на меня с той смесью раздражения и неприязни, с которой обычно смотрят на того, кому собираются сделать большую гадость. Затем дернул рычаг ручного тормоза, распахнул дверцу со своей стороны и вдруг ударил меня кулаком по голове...

В глазах у меня вспыхнули искры, потом все заволкло пульсирующим красным туманом. Я ткнулась лицом в рулевое колесо и боковым зрением увидела, как Лимон выпрыгивает из машины и откатывается в сторону по склону оврага. Меня внезапно охватило странное безразличие. Казалось, все происходящее не имеет ко мне никакого отношения.

Видимо, пожалев меня (странная жалость к тому, кого убиваешь), или скорее просто в спешке, Лимон ударил не так сильно, как рассчитывал. Или же мои слова насчет того, что Виктория не оставит живых свидетелей, все-таки запали ему в душу, но, так или иначе, я не потеряла сознания. Все вокруг плыло и раскачивалось, перед глазами мелькали разноцветные искры, но я смутно видела сквозь красноватый туман дорогую кожаную отделку руля и приборы на панели управления. В моей бедной голове промелькнула

мысль – лучше бы полностью отключиться и просто перестать существовать... перестать мучиться... что может быть лучше, чем умереть под наркозом?

Впрочем, и эта мысль проплыла где-то на краю сознания, словно она не имела ко мне никакого отношения.

Машина скатывалась по склону оврага, постепенно набирая скорость. Ее подбросило на какой-то кочке. От толчка моя голова откинулась назад, вместо руля и приборной доски я увидела стремительно приближавшиеся кусты, редкие песчаные проплешины, небольшие валуны, тут и там разбросанные по склону... от толчка в голове немного прояснилось, и я вдруг осознала сразу две вещи: во-первых, еще немного – и все будет кончено. Удар – грохот – смерть. Во-вторых, Лимон выскочил из машины, а это значит... это значит...

Это значило что-то очень важное, но в голове все путалось, и я никак не могла ухватить эту мысль, не могла додумать ее до конца.

Машину снова подбросило на кочке, от этого резкого удара что-то в мозгах встало наконец на место, и я поняла: если Лимон выскочил из машины, значит, дверцы не заблокированы...

Ну и что... все это казалось совершенно неважным, не имеющим ко мне никакого отношения. Мне хотелось одного: закрыть глаза, забыться, задремать...

Но если дверцы не заблокированы... если Лимон смог вы-

скочить из машины... значит, и я...

Машина ехала все быстрее и быстрее, ее то и дело подбрасывало на кочках и колдобинах. От нового толчка я прикусила язык. Резкая боль и солоноватый привкус крови во рту окончательно помогли мне прийти в себя. Я увидела несущийся навстречу склон, приближающееся дно оврага и огромный валун...

Еще несколько секунд – и будет поздно... все для меня будет кончено...

Сделав невысказанное усилие, собрав в кулак жалкие остатки воли, я рванула ручку, распахнула дверцу и выбросилась из машины.

И покатила по склону. Щеку расцарапала колючая ветка, с треском порвался рукав, я еще несколько раз перекувырнулась и застряла в колючем кустарнике.

Машина, еще больше разогнавшись, достигла дна оврага и с жутким грохотом врезалась в огромный замшелый валун.

Впрочем, то, что сначала показалось мне грохотом, было совсем негромким звуком по сравнению с тем, что я услышала через несколько секунд, когда взорвался бензобак «Ауди» и машину охватило дымное багровое пламя.

Я смотрела на это бушующее пламя расширившимися от ужаса глазами и думала, что только что, самое большее, минуту назад, я неслась навстречу этой пылающей смерти...

После взрыва я на какое-то время оглохла, но очень скоро звуки окружающего мира понемногу вернулись. Я услышала

скрип раскачивающихся деревьев, шорох ветра в их верхушках... и приближающиеся шаги.

– Да что там смотреть, – боязливо проговорил высокий мужской голос в нескольких метрах от меня. – Ты погляди, как горит! От нее наверняка одни головешки остались...

Я узнала Лимона и отползла глубже в кусты.

– Пофигист ты, Лимон! – ответил Костян. – Все нужно проверять! Пока своими глазами труп не увидишь – нельзя докладывать Виктории Сергеевне! Вон, привезли девчонку из морга, а она оказалась живой... так что все надо проверять!

Бандиты прошли совсем рядом со мной.

Я затаилась, как мышь в норке, и следила за ними.

Пламя быстро пошло на убыль. Бандиты подошли к догорающей машине, Костян наклонился и раздраженно проговорил:

– Ну, и где она? Я ее не вижу...

– Наверное, сгорела... – протянул Лимон.

– Ты что несешь? – рявкнул на него напарник. – Где это видано, чтобы труп сгорел без остатка? Ты мне пургу не гони! Говори честно – вырубил ты ее, прежде чем из машины выскочить?

– Да вырубил! – заголосил Лимон, ударив себя в грудь огромным кулаком. – Век воли не видать! Врезал ей как следует! Ты же меня знаешь, я кулаком быка свалить могу...

– Насчет быка – не знаю, похоже, ты в тот момент об одном

думал: как шкуру свою спасти и поскорее из машины выско-
чить... короче, ты, как всегда, облажался. Но девка далеко
убежать не могла, она где-то здесь! Нужно ее найти, оглу-
шить и запихнуть в машину, пока еще огонь не погас!

Только что мне казалось, что все самое страшное позади,
что смерть миновала, – и вот все начинается сначала.

Костян обернулся и окинул склон пристальным безжа-
лостным взглядом. Я сжалась в комок, постаралась слиться с
темной осенней землей. Сердце колотилось от страха недо-
пустимо громко.

– Иди влево, – распорядился Костян. – А я пойду напра-
во... далеко уйти она не могла!

Направо... он двигался прямо в мою сторону.

Если бы приближался Лимон – у меня были бы шансы
остаться незамеченной, укрыться в кустах. Но Костян – дру-
гое дело, от его маленьких злобных глазок ничто не утаится,
мимо него муха не пролетит...

Я отползла назад, в самую глубину кустарника.

Вдруг почва подо мной предательски зашевелилась и на-
чала осыпаться.

Я с трудом сдержала крик, который выдал бы меня Ко-
стяну, попыталась ухватиться за корявый ствол маленького
кривого деревца, но рука соскользнула, и я провалилась в
какую-то нору.

И на этот раз все-таки потеряла сознание.

Геша Мельников проснулся оттого, что кто-то весьма чувствительно встряхнул его за плечо.

– А? Что? – не раскрывая глаз, забормотал Геша, поворачиваясь на другой бок и отмахиваясь левой рукой. – Отвяжитесь вы все, дайте выспаться...

Маневр не удался, поскольку место рядом было занято, а тот, кто тряс его за плечо, не отстал, а сильно дернул Мельникова за волосы. Геша осознал, что голова его здорово болит. Ясное дело, они вчера, как всегда, упились в хлам. Геша попробовал отползти к стенке, но там кто-то пискнул жалобно.

– Вставай, Генка! – голос был такой громкий, что Геша с похмелья принял его за звук труб Страшного суда. – Пора уже!

– Куда пора? – заплетающимся языком еле вымолвил Геша.

Голова болела зверски. Было такое чувство, что в черепной коробке обосновалась приличная компания змей и они ползают, свиваются в клубки, шипят и плюются ядом.

– Вставай, в морг надо ехать! – настырно гудел голос.

Было так худо, что Геша усомнился – может, он уже умер, поэтому и зашел разговор о морге? Но тут под боком у него опять что-то взвизгнуло и завозилось, и Геша понял неизбежную вещь: придется открыть глаза. Он ощупал голову, отчего змеи в черепе завозились еще активнее, нащупал на своем лице глаза и пальцами приподнял веки. В комнате бы-

ло полутемно, так что свет не ударил в измученные зрачки и не проник в голову, чтобы просверлить ее болью, хотя и так – куда уж хуже...

Возле его кровати стоял Слон. Геша обрадовался, что сразу его узнал, значит, с ним все не так уж плохо. Еще Геша осознал, что он спит в своей кровати, и это тоже было хорошо.

– Ну чего ты хочешь? – заныл Геша. – Ну дай человеку выспаться, какой еще морг? Что за шутки на больную голову? Я вроде пока еще живой... а потом, даже если я покойник, так покойников в морг на труповозке возят, своим ходом туда тащиться не надо...

В волнении он слишком сильно дернул головой, и она отозвалась резкой болью, от которой Геша окончательно проснулся. И в поле его зрения попало то, что визжало и дергалось рядом. «Это» оказалось девицей с растрепанными светлыми волосами и размазанными глазами на кукольном личике.

– Я Ира, – сказала она, правильно угадав вопрос в его глазах.

– В жизни ее не видел, – пожаловался Геша Слону.

– Геннадий, не тяни время! – строго сказал Слон. – Сейчас следует о другом подумать! Срочно нужно в морг за Евдокией ехать!

– Ой! – пискнула блондинка, как видно, до нее в это утро все доходило быстрее.

– Куда... чего... зачем... – с досадой забормотал Геша, в его измученной голове постепенно всплыли какие-то воспоминания – дурацкий спор с Евдокией, визит Полтиныча, потом явление мента, потом он сунул денег санитарам... – Ох! – застонал он, схватившись за голову. – Что это мы вчера удумали? Это же надо было так упиться...

О том, чтобы встать с кровати, не могло быть и речи, о чем Геша и поведал скорбным голосом Слону.

– Слушай, все из-за Димыча произошло, это же его девки не поделили, так пускай он и едет в морг! – взмолился он.

– Не получится. – Слон и не думал оставить Гешу в покое. – Сам попробуй.

С этими словами он безжалостно выдернул страдальца из-под одеяла, не слушая его стонов. Выяснилось, что Лизка с Димычем заперлись в родительской спальне. Родители у Гешы были замечательные – они почти все время проводили за границей, работая там по контракту, стремясь заработать сыну на квартиру, чтобы отселить этого охламона и зажить наконец спокойно. Пока же полностью свободный и независимый Геша жил припеваючи в четырехкомнатных хоромах с двумя ванными и отдельным сортиром для гостей.

С помощью Слона он кое-как дотащился до спальни. Лизка через дверь раздраженно крикнула, что Димыч спит, и присовокупила в крепких выражениях, где она хотела бы видеть их со Слоном, а также всех остальных с Авдотьей в придачу.

– Сука какая Лизка, – с тоской пробормотал Геша, чувствуя, что надвигается страшное: надо ехать в морг.

В ванной на теплом полу спала Тамарка, накрывшись розовым купальным полотенцем. Слон без лишних разговоров выволок ее в коридор, Тамарка даже не проснулась. Дальше дело пошло быстрее. Слон включил холодную воду, засунул Гешину многострадальную голову под кран и поболтал ею под струей воды. Как ни странно, действие помогло: змеи в черепашке угомонились – в спячку, наверное, впали.

Слон Гешу удивлял все больше – он ловко вытер его махровым полотенцем, выдал банку ледяного пива, отчего Геше окончательно полегчало, и он вспомнил, что Дуське нужна верхняя одежда. С этим неожиданно помогла блондинка Ира. Она хоть и видела вчера Евдокию в первый раз, но хорошо запомнила, в чем та была одета. Девица даже успела налить Слону чашку растворимого кофе, пока Геша напяливал штаны и куртку.

Без десяти восемь они оставили машину у входа в больницу и пошли пешком по двору, выпросив у охранника, где морг. Навстречу попадалось мало народу – сотрудники приходили на работу к девяти. Однако над крышей кухни вился дымок и доносились весьма неаппетитные запахи. Вот вышла из двери старуха в грязном халате, накинута поверх выцветшего ватника, и вылила прямо Геше под ноги полное ведро помоев.

– Сдурела, что ли?! – обиженно завопил Геша. Слон же

и бровью не повел, только спросил бабку, правильно ли они идут к моргу. Оказалось, что неправильно – не туда свернули в самом начале. Геша взвыл от бессильной злобы, потому что голова опять разболелась и тело отказывалось повиноваться. Тогда бабка вдруг сжалась и разрешила им пройти через корпус насквозь, чтобы не пришлось обходить.

Бетонная коробка морга располагалась в самом дальнем углу больничной территории, за кустами непонятного вида. Геша приободрился и даже прибавил шагу, но тут Слон вдруг чертыхнулся и утянул его за трансформаторную будку.

– Ты что? – удивился Геша. – Вот же он, морг-то...

– Сам посмотри, – отрывисто предложил Слон, осторожно выпихивая Гешу из-за будки.

Видна была дверь морга и площадка для машин сбоку. И вот на этой площадке Геша с неприятным изумлением увидел милицейскую машину с мигалкой. Стояла там еще обычная труповозка, бегали и суетились какие-то люди.

– Дуську замели! – выдохнул Геша и спрятался за угол. – Уходить надо, а то и нас тоже сцапают!

– Как бы выяснить, что там стряслось... – пробормотал Слон.

– Уходить надо. – Геша тянул его за рукав. – А то нам мало не покажется. Я разок в обезьяннике ночевал...

– Где ты только не ночевал! – огрызнулся Слон. – Болтал бы об этом поменьше! И никуда мы отсюда не уйдем, пока не выясним, что с Евдокией случилось. Сам ее в это дело

отравил, а теперь бросить решил?

– Бабы эти... – пригорюнился Геша, – никакого житья от них нету.

– Погоди-ка... – Слон пристально уставился на площадку перед моргом. – Да это, никак, наш санитар знакомый, тот, что деньги у тебя брал!

– Николаша? – оживился Геша. – Тот еще прохиндей!

– Пошли! – Слон схватил его за плечо решительной рукой и повернул к моргу.

Стараясь избегать открытых мест и по мере возможности хоронясь за кустами, они приблизились к труповозке, возле которой курил пожилой водитель и крутился Николаша. Дождавшись, когда водитель скрылся в кабине, Слон свистнул тихонько и поманил Николашу пальцем в кусты. Тот налетел на них коршуном:

– Вы чего это сюда приперлись? Совсем мозги пропили, козлы?!

– Полегче, – посоветовал Слон, – говори, что тут случилось?

– Он еще спрашивает! – ахнул Николаша. – Он еще интересуется! Сами же ночью хипеж устроили, а сами спрашивают!

Геша вытаращился на него в полном изумлении, а Слон нахмурил брови и зашипел грозно:

– Ты можешь толком рассказать, червь могильный?

– За червя... – начал Николаша, но поглядел Слону в глаза

и передумал ругаться. Затем он довольно толково рассказал, что по показаниям Кондратьевны, ночью вломились в морг двое неизвестных, чем-то «выключили» дежурную, а когда она очнулась, то обнаружила, что, из покойницкой пропал труп Синицыной Евдокии Андреевны, одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения, умершей от острой сердечной недостаточности.

– Ну, вы же все это и устроили! – жаловался Николаша. – Не могли как-нибудь по-хитрому девку свою вывести? Обязательно нужно было Кондратьевну отключить?

– Слушай, но это не мы вовсе, – очухался Геша, – мы всю ночь дома спали... Может, это Дуська дошла до ручки и тетку... того?..

– Нет уж, Кондратьевна и милиции сказала, что было двое мужиков. С одной девкой-то она бы справилась, – решительно отмел его возражения Николаша. – Так что валите отсюда срочно, пока я ментам не крикнул, ух, они злые с утра – страшное дело!

– Ты, гусь лапчатый, полегче на поворотах. – Слон перехватил его поднятую руку и сильно сжал. – Ты особо-то не выделяйся! Думаешь, мы милиции не расскажем, как ты деньги брал, чтобы живого человека в морг отвезти?

– Знать ничего не знаю! – прошипел Николаша, безуспешно пытаясь освободиться. – Вас ваще в первый раз в жизни вижу! Денег никаких ни у кого не брал! Мне показали труп, документы все оформлены как надо, я и повез!

Однако глаза его трусливо забегали, видно, Слон нашел его слабую точку.

– Ладно. – Слон отпустил его руку. – Значит, говоришь, ничего здесь не пропало? А зачем тогда те двое приходили? Наркотиков у вас тут нету?

– Да какие наркотики! – махнул рукой Николаша. – Жмурикам эта дурь без надобности! Девка ваша их вызвала, чтобы ее освободили.

– Ага, и каким же образом? – усмехнулся Слон. – Может, у нее тут телефон был персональный? Или факс с компьютером? Рация переносная? Сам же говорил – мимо вашей Кондратьевны муравей не проползет!

– Мне-то что! – Николаша отступил на безопасное расстояние. – Мне они все по барабану. Что было, о том я и говорю! А только надо вам сваливать, а то как бы менты не привязались.

– И то верно. – Геша потянул Слона за рукав. – Беспокойно мне что-то, пошли отсюда.

Геша бы забеспокоился еще больше, если бы знал, что у их с Николашей приватного разговора имеется свидетель. Даже не один, а двое. С задней стороны морга аккуратно подошли двое парней самого что ни на есть бандитского вида, один – крупный, широкий, как шкаф, с маленькой наголо бритой головкой, которая с трудом поворачивалась на короткой и толстой, как у бегемота, шее, второй – маленького роста, худой и вроде хлипкий, но так казалось только на пер-

вый взгляд. Стоило увидеть злые цепкие глазки малорослого бандита, и сразу же становилось ясно, кто в этой парочке главный.

– Что-то тут не так, – бормотал Слон, шагая за Гешей, который ходко припустил к выходу из больницы. – Если ей удалось из морга уйти, отчего же она тогда к нам не явилась?

– Ну, ты даешь! – Геша покровительственно похлопал Слона по плечу. – Совершенно не разбираешься в женском характере! Ведь она Лизке Веселовой, считай, мужика проспорила! Сам посуди, охота ей после этого подружкины издевательства слушать и смотреть, как Димыч из ее рук уплывает?

– Ну и подружки... – хмыкнул Слон.

– Все они такие, – отмахнулся Геша. – Знаешь анекдот про змею и черепаху? Это о женской дружбе...

– Некогда нам сейчас анекдоты рассказывать, – рассердился Слон, – нужно удостовериться, что с Евдокией все в порядке.

– Да кому она нужна-то? – в свою очередь, рассердился Геша. – Сидит небось дома, к нам теперь долго не покажется, боится, что смеяться будем!

– Ты знаешь, где она живет? – Слон спросил это таким тоном, что у Геши в горле застрял ответ: мол, он понятия не имеет, где живет Евдокия, он хочет спать и не пошел бы Слон со своими вопросами куда подальше.

– Был у нее пару раз, – неохотно промямлил Геша, отводя глаза. – Это на Малой Охте, улица Рижская, что ли... Да что мы дурию маемся? Позвонить ей – и всего делов!

Геша, радуясь, что не нужно никуда ехать, уже нажимал кнопки мобильного. Однако на его звонок ответила блондинка Ира, которая вчера приبلудилась к ним в кабаке, да так и осталась в Гешиной квартире. Она сказала, что мобильник нашла в прихожей, он валялся под вешалкой, и там еще сумочка, а в ней косметичка и кошелек. Компания потихоньку расходится, только Тамарку невозможно добудиться.

– Черт, она же все вещи у меня оставила! – спохватился Геша и набрал Дуськин домашний номер. Однако там никто не ответил. Слон выхватил у него мобильник, послушал длинные гудки, помрачнел еще больше и списал адрес из записной книжки.

– Едем сейчас же к ней! – велел он.

Геша мысленно застонал, но не посмел возразить. Они дошли до больничного корпуса, где давеча старушенция в грязном халате едва не облила Гешу помоями. Слон уверенно проскочил в дверь, чтобы выйти через другой вход, Геша малость замешкался, завязывая шнурок на кроссовке, и тут вывалилась, откуда ни возьмись, эта вредная старуха и заорала на него, что в корпусе посторонним находиться не положено, ишь, взяли моду – проходной двор устроили! Тут вам больница, а не проезжая улица!

Геша попробовал было бабку обойти, но та замахнулась

на него пустым ведром, и Геша позорно ретировался, поняв, что сегодня он в плохой форме и старуха сделает его одной левой.

Он оставил бесплодные попытки срезать путь и поплелся к воротам нога за ногу, так как уже усвоил, что Слон ждать его не станет. Уразумев, что в этом есть свой положительный момент и не придется тащиться на другой конец города, а можно пойти домой и завалиться спать, Геша приободрился и даже стал насвистывать какой-то мотивчик.

И тут судьба подставила ему ножку. Внезапно сильные руки обхватили Гешу сзади, лишив его возможности сопротивляться, а перед ним возник худущий малорослый тип. Маленькими цепкими глазками тип злобно уставился на Гешу.

– Ну-ка, быстренько, – заговорил тип скрипучим голосом, – расскажи нам, куда делась та девка, что вы вчера живьем в морг определили?

– Какая девка? – по инерции всполошился Геша. – Знать не знаю никакой девки!

Он тут же сник, потому что маленький бандит без замаха, но резко ударил его кулаком в живот.

Голова у Геши болела с утра с переменным успехом, сейчас боль усилилась, да еще и в животе после удара словно разорвалась бомба. Геша хотел было рассказать все честно, что он понятия не имеет, куда делась Евдокия, но дыхание перехватило, и он смог выжать из себя только жалкий писк.

– Не знаешь? – издевательски прошипел бандит. – Ты ме-

ня лучше не зли! Не знаешь, кто такая Лизвета Веселова?

«При чем тут Лизка?» – удивился Геша, но вдруг в несчастной похмельной голове его произошло просветление, и он понял, что эти двое имеют самое прямое отношение к исчезновению Евдокии из морга, что Дуське удалось каким-то образом от этих типов уйти ихватило ума представиться им Лизой Веселовой.

– Костян, – сказал высокий нервный голос за его спиной, – давай с ним быстрее разбирайся, как бы менты не появились. Вон их машина, близко...

– И то верно! – Костян схватил Гешу за горло. – Колись, мокрица, немедленно!

Геша задергался, пытаясь вдохнуть, куртка его расстегнулась, и выпал мобильный телефон. Очевидно, Костян был не полным дураком, либо же ему надоело возиться с Гешей. Он подхватил телефон и начал нажимать кнопки.

– Ага, – удовлетворенно проговорил он, – вот тут адресочки есть, аккуратный ты, блин, все записываешь... Веселова Лиза...

«Сволочь какая Лизка, – привычно подумал Геша, – это она всю кашу заварила, Дуську на слабб взяла. Черт с ними со всеми, пусть сами выпутываются!»

Костян бросил телефон на землю и наступил на него ногой, затем снова ткнул Гешу в живот. Удар попал на больное место, и у Геши потемнело в глазах. Второй бандит, что был сзади, отпустил его, и Геша согнулся пополам от боли. А ко-

гда очухался, рядом никого не было.

Не знаю, сколько прошло времени – несколько минут, а может быть, и несколько часов, но я пришла в себя от сырого пронизывающего холода.

Я открыла глаза... и на всякий случай потеряла их: вокруг была абсолютная, непроницаемая темнота. Может быть, я уже умерла и это – вечная тьма загробного мира?

Но тогда почему так болит ушибленная голова, почему щиплют ссадины на руках и на лице? Вроде бы покойники ничего не чувствуют...

Я протянула руки в темноту и нащупала сырые каменные стены.

Где же я? Что со мной случилось? Медленно возвращалась память.

Я вспомнила идиотское пари, вспомнила долгие часы, проведенные в морге, парочку уголовников, которые меня из этого морга похитили... вспомнила загородный дом, где меня держали, и его подозрительных хозяев... вспомнила, как Лимон ударил меня по голове и столкнул в машине в овраг...

Так вот почему так болит голова!

Я вспомнила, как выбросилась на ходу из катившейся под уклон машины, как спряталась в кустах, как земля обрушилась подо мной и я провалилась в какую-то нору...

Так вот где я! Под землей...

Все логично: если в начале своего пути добровольно от-

правиться в морг – в конце окажешься заживо погребенной. И никто никогда не найдет мою могилу, никто не принесет на нее цветов...

Да плевать мне на эти цветы!

На что мне не наплевать – это на то, какой смертью я умру. Потому что выкарабкаться отсюда мне вряд ли удастся. Думать иначе – значило бы сильно переоценивать собственное везение. В самом деле, сегодня Господь Бог и так здорово мне помогал. Меня не заморозило в морге, я не умерла от ужаса, почувствовав мышь в собственной штанине, мне удалось выскочить из падавшей в овраг машины, а также удалось избежать последующей встречи с двумя несимпатичными бандюганами – Лимоном и Костяном. И вот теперь, надо полагать, у Господа лопнуло терпение. Да что это я? Только ему и дела, что охранять такую, как я! Небось приставил ко мне какого-нибудь мальчишку-ангела, разгильдяя и двоечника, большего я не заслуживаю! И теперь он удрал на дискотеку, или что там у них есть... А я осталась совсем одна в этом сыром и холодном склепе.

Впору было завывать от тоски и страха. Но раз уж со вчерашнего вечера жизнь моя пошла вразнос, то сокрушаться попусту нет смысла – все равно никто не поможет.

Я попыталась встать, но ударилась головой о земляной свод. Выхода наверх не было, меня завалило землей, и удивительно, что я вообще до сих пор жива, что меня не раздавило тяжестью грунта и я не умерла от удушья.

Сколько же времени я пролежала здесь без сознания?

Впрочем, какая разница? В этой кромешной тьме времени не существовало, как не было здесь и направлений. Север, юг, восток, запад – вокруг, как ни крути головой, только темнота.

Но все же... здесь был воздух. Откуда-то он сюда поступал?

Я застыла, прислушиваясь к своим ощущениям, и мне показалось, что лица моего коснулось едва заметное дуновение воздуха.

Не разрешая себе вдохновиться несбыточной надеждой, я поползла в том направлении. Самое удивительное, что руки-ноги кое-как повиновались, то есть, упав на камни, я ничего себе не сломала. Я могла идти, сгорбившись и держась рукой за осклизлую стену, ощупывая ногой землю, прежде чем сделать следующий шаг. Ведь впереди могла таиться во тьме бездонная пропасть...

Скоро я поняла, что иду по какому-то подземному коридору – по сторонам были его стены, голова упиралась в свод. Свод был каменным, стены тоже – я находилась в самом настоящем подземелье.

Я шла так несколько минут, и вдруг коридор сделал поворот.

Шагнув вперед, я в первый момент не поверила своим глазам: далеко впереди показался едва заметный свет.

Может быть, это галлюцинация? Может быть, мои глаза,

обманутые непроглядным мраком, посылают мозгу фальшивые сигналы?

Однако свечение не гасло, наоборот, с каждым шагом оно становилось все заметнее, все отчетливее. Неужели мой безалаберный ангел-хранитель спохватился и снова решил помочь?

Это был не дневной свет, не ровный, мертвый свет электричества, а живой, колеблющийся, неяркий отсвет огня. Теперь я уже могла различать в этом свете стены коридора и землю под ногами, так что можно было прибавить шагу. Да что там – прибавить, мне хотелось бежать к этому таинственному свету, крича от радости...

Я едва удержалась от этого порыва.

Кто его знает, что за свет горит там впереди?

За прошедшие сутки я успела убедиться, что приятных сюрпризов судьба мне не припасла, что неожиданности бывают двух сортов: неприятные и совершенно кошмарные.

Поэтому я пошла вперед крадучись, прижимаясь к сырой холодной стене и напряженно вглядываясь в расступающуюся темноту.

Скоро можно было различить неровные, колеблющиеся блики, отбрасываемые пламенем на стены подземного туннеля, и я поняла, что сам источник света находится за следующим поворотом.

Из-за поворота донеслись неясные звуки – то ли какие-то приглушенные, неразборчивые голоса, то ли просто тяжелые

вздохи.

Хорошо, что стерва Виктория ссудила мне ботинки без каблуков! Подошва была слишком тонкой, трудно было ступать по камням, но зато звука шагов не услышат даже вблизи.

Звуки становились все громче и отчетливее... и вызывали все большее удивление.

Теперь они явно напоминали церковное пение.

Впрочем, если пение церковного хора звучит спокойно, умиротворяюще, гармонично, то это подземное пение было полно некой странной фальши, дисгармонии, оно казалось каким-то неприятно волнующим, зловещим и беспокойным, словно в него был добавлен яд или сильнодействующий наркотик. Вблизи это пение звучало так громко, что заглушало все другие звуки.

Подобравшись к самому повороту, я осторожно выглянула из-за угла.

За поворотом коридор расширился, образуя что-то вроде большого круглого зала с покатым сводом. Зал был освещен колеблющимся светом множества свечей. Каменные стены были красного цвета. Не кирпичного, а именно красного, словно измазанного кровью. Посреди возвышалось нечто вроде алтаря, позади него стояла статуя какого-то странного животного – рогатой жабы с торчавшими из пасти длинными клыками. Статуя эта тускло блестела в свете свечей, и я с удивлением подумала, что она, должно быть, золотая.

«Все ясно, – мелькнула мысль, – я все-таки умерла и теперь нахожусь в чистилище, или как там у них полагается? Этого следовало ожидать, потому что нельзя безнаказанно искушать судьбу! Все мой дурацкий характер – обязательно мне надо всех победить! Из-за кого я завелась с этим моргом? Из-за Лизки Веселовой – да она слова доброго не стоит! Из-за Димыча? Если уж на то пошло, я и раньше понимала, что, если он позволил девушке влезть в такое опасное приключение, стало быть, девушка эта ему совсем не дорога, проще говоря, ему на нее глубоко плевать. Так для чего я позволила себя подначить, взять на слабо? Чтобы не потерять лицо перед друзьями? Да провались они все, вместе взятые! Во всей компании не нашлось ни одного здравомыслящего человека, кто сумел бы меня отговорить. То есть Слон, кажется, пытался, но я послала его подальше. Сама во всем виновата, теперь пожиная плоды... Однако раз уж дело сделано, то можно посмотреть, как дальше будут развиваться события. В рай я точно не попаду – грехи не пустят, а это место здорово похоже на ад – темно, огонь горит, стены кровавые, да еще и поют дурными голосами!»

Перед алтарем стояли коленопреклоненные люди.

Их было, наверное, несколько десятков, все они были в странных черных балахонах с длинными рукавами, в высоких остроконечных колпаках с прорезями для глаз, и все они пели.

Возле самого алтаря, лицом к остальным, стоял человек

в золоченом одеянии. На лице его была маска, украшенная сверкающими стразами и разноцветными камнями, мерцавшими в отраженном свете. Маска эта напоминала человеческое лицо – лицо жестокого старика, искаженное гневом или ненавистью.

Человек в маске, словно дирижер, руководил пением остальных.

Вдруг он поднял руки к своду пещеры, и в ту же секунду пение смолкло.

– Говорящий истину будет услышан! – воскликнул человек в маске глубоким красивым голосом. – Просящему милости будет дано! Поклоняющийся ложным божествам будет повержен! Повелительница, мы обращаемся к тебе с нашей общей молитвой. Ты обитаешь глубоко под землей, в царстве вечного мрака и вечной тишины, поэтому мы обращаемся к тебе отсюда, из нашего тайного храма. Услышь нашу молитву! Прими нашу великую жертву!

– Прими нашу жертву! – как эхо, повторили остальные участники церемонии вслед за своим предводителем.

– Мы – твои верные рабы, – продолжал жрец, обращаясь к изваянию рогатой жабы. – Мы – твои преданные слуги! Мы служим тебе своими делами, своими молитвами и своими помыслами. Воздай же нам за нашу верность! Излей на наших врагов пламя своего гнева! Пусть земля содрогнется от твоей тяжелой поступи!

– Пусть земля содрогнется! – подхватили остальные.

«Начинается», – вздрогнула я.

Надо сказать, что в пещере, несмотря на свечи, было холодно, а я сегодня и так уже намерзлась так, что теперь вздрагивала в тонкой курточке.

– Ты обитаешь глубоко под землей, и тебе ведомы страшные тайны глубин! Открой нам свою сокровищницу, повелительница, и одари нас своими щедрыми дарами!

– Одари нас! – подхватило дружное эхо.

Жрец взмахнул левой рукой и высыпал в пламя свечи щепотку зеленоватого порошка. Пламя окрасилось в удивительный изумрудный цвет, и тут же по пещере пополз странный дурманящий запах. Он напоминал восточные благовония и пряности, но в то же время в нем было и что-то опасное, недоброе. Почувствовав этот запах, я ощутила смутный страх и желание скорее бежать отсюда...

Волосы у меня на голове зашевелились от страха.

– Прими нашу жертву! – повторил жрец и с этими словами бросил на алтарь что-то маленькое, окровавленное, но еще живое, визжавшее от боли и ужаса...

Я больше не могла смотреть на происходящее и бросилась прочь, в темноту подземных коридоров, в бесконечный безлюдный мрак – только бы оказаться подальше от этого страшного храма, от этого кошмарного тайного ритуала...

Скоро звуки за спиной затихли, и я снова погрузилась в бездонную темноту.

Теперь я шла медленно, осторожно ошупывая стены, про-

буя ногой дорогу, чтобы не провалиться еще глубже и не переломать все кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.